

БИБЛИОТЕКА
Ю. ГИППЕНРЕЙТЕР

А. НИЛЛ

**ВОСПИТАНИЕ
СВОБОДОЙ**

ШКОЛА САММЕРХИЛЛ

Когда ребенок свободен,
он становится уверенным в себе.
И тогда ему все по плечу.

А. Нилл

Библиотека Ю. Б. Гиппенрейтер

Александр Нилл

**Воспитание свободой.
Школа Саммерхилл**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 159.922.7
ББК 88.8

Нилл А. С.

Воспитание свободой. Школа Саммерхилл / А. С. Нилл —
«Издательство АСТ», 2019 — (Библиотека Ю. Б. Гиппенрейтер)

ISBN 978-5-17-118272-4

Александр Нилл начал свой эксперимент по воспитанию счастливых детей почти сто лет назад, создав ставшую легендарной школу, в которой главным было не обучение, а развитие личности ребенка. В этой книге Нилл приводит бесценные суждения, послужившие основой целой философии «воспитания свободой». Нилл открывает нам глаза. Он точно знает, что дети – существа изначально добрые. И верит, что, если позволить ребенку быть собой, тот постепенно изживет свои проблемы и станет личностью – не просто свободной, но и счастливой.

УДК 159.922.7

ББК 88.8

ISBN 978-5-17-118272-4

© Нилл А. С., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Предисловие	6
Предисловие автора	7
Вступительное слово	10
Часть первая	11
Идея Саммерхилла	11
Взгляд на Саммерхилл	17
Образование в Саммерхилле по сравнению со стандартным образованием	23
Судьбы выпускников Саммерхилла	26
Личные уроки в Саммерхилле	29
Самоуправление	35
Совместное обучение	42
Труд	44
Игра	46
Театр	49
Танцы и музыка	52
Спорт и игры	53
Доклад инспекторов британского правительства	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Александр Нилл

Воспитание свободой. Школа Саммерхилл

A.S. NEILL
SUMMERHILL

На обложке использовано изображение по лицензии Shutterstock.com

© Ю.И. Турчанинова, Э.Н. Гусинский, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Предисловие

Эта книга написана замечательным человеком, выдающимся педагогом и психологом Александром Ниллом. Почти сто лет назад он создал в Англии легендарную школу-интернат под названием «Саммерхилл», которой руководил в течение сорока лет до конца своих дней. Эта школа существует и по сей день.

В школу Александра Нилла родители, как правило, посылали «трудных» детей, с воспитанием которых уже не справлялась ни они сами, ни обычная школа. И Нилл возвращал этим детям полноценную активную жизнь и интерес к учебе!

В книге читатель познакомится со многими «открытиями» и революционными идеями Нилла. Он был против распространенного мнения, что ребенка надо заставлять учиться, иначе он ничего не будет делать. В школе Нилла новичок узнавал, что посещать уроки не обязательно, и некоторое время наслаждался свободой. Однако, через некоторое время проходила его ненависть к школе, и он сам начинал с удовольствием ходить на уроки. Одновременно происходили другие изменения личности ребенка: он становился приветливым, открытым, вежливым, честным!

Как все это делал Нилл?

Читатель найдет в книге много разнообразных ответов: от размышлений и вывода автора, в чем состоит реальное счастье ребенка, до практических способов, как установить глубокий контакт с ним.

Мое глубокое убеждение: эта книга – бесценный подарок Александра Нилла всем родителям и воспитателям. Если ваш ребенок школьник, вы найдете отклик на многие ваши заботы и затруднения в совместной жизни с ним. Если он еще дошкольник, вы лучше поймете, как подготовить его к бесконфликтной встрече со школой и долгому пути взросления.

Ю. Б. Гиппенрейтер

Предисловие автора

Твои дети – это на самом деле вовсе не твои дети. Они сыновья и дочери жизни, стремящейся длиться. Они приходят в мир от тебя, но не благодаря тебе. И хотя они пока что с тобой, они не принадлежат тебе. Ты можешь дать им свою любовь, но не свои мысли, потому что у них есть собственные мысли. Ты можешь приютить их тела, но тебе не удержать их души, потому что их души обитают в доме завтрашнего дня, куда ты не можешь последовать за ними даже в мечтах. Ты можешь стремиться быть похожим на них, но не пытайся добиться, чтобы они были похожи на тебя, потому что жизнь не идет назад и жить во «вчера» невозможно.

Ты лук, из которого твои дети, как живые стрелы, посланы вперед, в будущее.

Так изогнись в руке Лучника для радости...

Калиль Джибран

Эта книга составлена из отрывков, отобранных из четырех моих более ранних книг американским издателем Гарольдом Хартом. Одной из них была книга «Эта кошмарная школа», написанная еще в 1936 г., так что в разделе «Саммерхилл» есть и такие отрывки, которые я сегодня не написал бы, но их немного, потому что в моей философии образования и жизни не произошло никаких существенных изменений. Саммерхилл сегодня в своих главных чертах – тот же, что был при его основании в 1921 г. Самоуправление для учеников и персонала, свобода ходить на уроки или не ходить, свобода играть целыми днями, неделями или даже годами, если необходимо, свобода от навязывания какой-либо идеологии – религиозной, моральной или политической, – свобода от целенаправленного формирования характера.

А вот в отношении к психологии я изменился. Когда моя школа находилась в Германии, а затем в Австрии (с 1921 по 1924 г.), я был в гуще нового тогда психоаналитического движения. Как и множеству других молодых глупцов, мне казалось, что Утопия достижима. Сделайте бессознательное осознанным, и мир избавится от злобы, преступлений и войн – психоанализ был ответом на все вопросы. Когда я вернулся в Англию и поселился в доме, называвшемся Саммерхилл, в Лайм-Риджес, у меня было всего пять учеников. Через три года их число выросло до двадцати семи. Большинство из них были трудные дети, которых отправили ко мне совсем отчаявшиеся родители и учителя, – воры, разрушители, задиры обоих полов. Я полагал, что «лечу» их психоанализом, но обнаружил, что те, кто отказывался посещать мои аналитические сеансы, тоже излечивались, и был вынужден заключить, что излечивала на самом деле свобода, а не анализ. И слава богу, потому что психоанализу не одолеть нездоровье всего человечества.

Мне уже поднадоело говорить о прошлом, но о будущем я говорю с осторожностью. Я вижу некоторые признаки прогресса. Есть несколько превосходных начальных школ. Недавно я побывал в одной такой школе в Лейсетере. Она разительно отличается от начальных школ сорокалетней давности: счастливые лица, нормальный детский галдеж, каждый ребенок занят своим делом. Следующим шагом должно быть распространение таких свободных методов в средней школе – задача, практически не осуществимая при сохранении экзаменационной системы.

Огромная беда состоит в том, что обучение в школе очень мало связано с жизнью за ее пределами. Сколько бывших учеников читают Мильтона, Т. Харди или Шоу? Сколько слушают Бетховена или Баха? Школа игнорирует воспитание чувств ребенка, по крайней мере так построены школьные предметы, поэтому эмоциональная жизнь ребенка протекает под влиянием других факторов: телевидения, популярных групп, бинго, футбола, комиксов, эротиче-

ских журналов. А поскольку все эти факторы – элементы хорошо налаженной индустрии развлечений, у бедного учителя в соревновании с ними нет никаких шансов. Кто из школьных педагогов способен вызвать такую же бурю аплодисментов, как «Битлз»? Толстопузый учитель математики хотел бы, чтобы вся школа восторгалась иррациональными числами. Это, на мой взгляд, самая насущная задача образования – разрешить противоречие между сложившимся еще в викторианскую эпоху набором школьных дисциплин и стремлением современной молодежи к полноте жизни.

Никто не может отрицать ни того, что общество больно, ни того, что оно не хочет расставаться со своими болезнями. Общество борется с любыми человеческими усилиями, направленными на его улучшение. Оно выступало против введения избирательного права для женщин и отмены смертной казни, против реформы наших жестоких законов о разводе и о преследовании гомосексуалистов. В некотором смысле задача педагогов – противостоять массовой – овечьей психологии: когда у всех овец одинаковые шкуры и одинаковое бе-бе-бе-е, когда загоняют в угол паршивую овцу, бунтаря. У наших школ свои пастыри, отнюдь не всегда великодушные. Наши барашки-ученики одеты в миленькую одинаковую форму. Я не хочу излишне развивать эту метафору, но смею предположить, что символический «настриг шерсти» с множества скучающих учеников этому обществу подходит.

Образование призвано готовить детей к жизни в обществе и одновременно помогать им стать независимыми личностями, и самоуправление, без сомнения, делает и то и другое. В обычной школе добродетелью является послушание, причем доведенное до такой степени, что очень немногие ее выпускники во взрослой жизни способны бросить вызов хоть чему-нибудь. Тысячи студентов в педагогических учебных заведениях полны энтузиазма в отношении будущей профессии. Но уже через год после окончания колледжа они сидят в своих учительских и полагают, что в понятие «образование» входят только учебные предметы и дисциплина. Конечно, они не смеют бунтовать открыто, потому что это грозит потерей работы, но даже в мыслях бунтуют немногие. Человеку нелегко вырваться из пут сформировавшего его жизненного опыта. И вырастает новое поколение, которое навязывает все те же запреты, устаревшие нравственные правила и педагогические глупости уже следующему поколению, – и замыкается добрый старый порочный круг. Печальный факт: обработанные таким образованием люди принимают пороки своего общества как должное. Напалм? Трудно прийти в негодование по поводу детишек, заживо сожженных где-то в Азии. Расовая нетерпимость? Ну естественно, не следует смешивать расы. Здесь старик Адольф был прав. Я знаю, что Иисус велел нам любить ближних, но ведь он не говорил, что мы должны любить черных, правда ведь? (Звучит, как у Альфа Гарнетта – английского общественного деятеля 1950-х гг., известного своими расистскими взглядами.)

Да что мы все о школе и учителях! Почитайте, например, книгу Селби «Последний выход в Бруклин». В Британии она была запрещена законом. Ее запрет – еще одно проявление официального Чванства невежественных пуритан. Книга полна четырехбуквенных слов (а многие английские слова, считающиеся неприличными, состоят из четырех букв), описаний сексуальных извращений и самых низких человеческих проявлений, но я думаю, что многим было бы полезно с ней ознакомиться – она наглядно показывает кое-какие аспекты нашей хваленной культуры. Картина действительно страшная. В книге описана оборотная сторона американской кадиллачной, карьерной, жизнеотрицающей культуры, показано, что делают с человеческими существами трущобы, скверное образование и коммерциализация. Но ведь в той или иной степени все это есть в каждой стране и в каждом городе нашего мира. Все это – естественное следствие нашего благоденствующего общества, привычного «так хорошо еще никогда не было». Подлинной культуры там нет и не было. Мне кажется, что наши телевизионные программы ориентированы на зрителей с эмоциональной зрелостью восьмилетних детей. Что же происходит? Может, во всем виновата большая бомба, которая висит над нами? Давайте есть, пить и

веселиться, потому что завтра мы умрем. Или, скорее, это новый вид материализма, полагающего, что единственными источниками удовольствия являются автомобили, электрифицированные кухни, ночные клубы, бинго и прочие инфантильные идиотства? Мы живем на бедной улице, мы хипповые парни, у нас своя шайка. Пусть дураки работают и копят бабки, чтобы купить «ягуар». Мы всегда можем его угнать, чтобы куда-нибудь свозить своих девчонок.

Я иду на ощупь. Я безуспешно пытаюсь понять, почему человечество творит так много зла. Я не могу поверить во врожденную порочность людей, в существование первородного греха. Я повидал слишком много злобных детей, которые в условиях свободы и принятия их взрослыми становились хорошими. Но тогда почему изначально доброе человечество создает такой нездоровый, несправедливый и жестокий мир? Из опыта я знаю, что дети, воспитанные на самоуправлении и свободе, никогда не станут ненавидеть евреев или негров, не будут бить своих детей и внушать им понятие греховности секса, никогда не станут запугивать их сказками о карающем Боге. Поспешу добавить, что есть и другие школы, директора которых могли бы подписаться под этими словами. Я задаю себе вопрос: если Саммерхилл может растить людей, не склонных к ненависти, жестокости, милитаризму и предрассудкам, почему весь мир не может иметь школы, дающие подобные результаты? Две тысячи лет назад люди выбрали Варавву и распяли Христа. Сегодня они повторяют тот же выбор. Почему? Хотел бы я знать...

Все великие мира сего – его сократы, христы, фрейды, дарвины, папы и епископы – не смогли разгадать загадку человечности. И мы, малые, тоже не знаем ответа. Диагноз нам известен: разрушьте любовь – и вы получите ненависть. Нам только неизвестно, почему, собственно, мы разрушаем любовь. Фрейд и Райх говорят, что из-за страха перед сексом и ненависти к нему; Адлер говорит, что жажда власти превосходит желание любви. Но так ли уж важно нам знать причины? Фрейдизм ошибочно полагал, что осознание исходной травмы автоматически излечивает комплекс, игнорируя тот факт, что комплексы вызваны длительным и настойчивым подавлением в детстве. В самые трудные дни Саммерхилла малолетние мошенники избавлялись там от своих пороков, так и не осознав корни своего непреодолимого стремления к воровству. Человечество излечилось бы от своих болезней, если бы мы смогли избавиться от тирании в семье, строгих школ, жизнеотрицающей религии. Но как же огромно это «если бы»! И все же либо такое «если», либо человечество погибнет – от атомной бомбы, отравленных почвы и воздуха или отравленных чувств.

Учительница рассказывала классу о Нероне, о том, как он убил свою мать и веселился, когда горел Рим.

– Ну, дети, после того, что я вам рассказала, как вы думаете, Нерон был хорошим человеком или плохим? Ты, Билли.

– Не знаю, мисс, мне он ничего такого не сделал.

Философия Билли правит современным миром. Наводнения и землетрясения в Индии или Китае? Переверните страницу, и вы узнаете, как сыграли в субботу футболисты «Шеффилд Юнайтед». «Разве я сторож брату моему?» Конечно, нет, иначе зачем же мы избираем членов парламента? Или директоров школ? Или священников? Или армию?

Может быть, в конце концов первородный грех и существует... грех неучастия. Если Саммерхиллу и есть что сказать, то следующее: **ты не имеешь права на неучастие. Борись с нездоровьем мира, но не лекарствами вроде нравственных поучений и наказаний, а натуральными средствами – принятием, нежностью, терпимостью**. Я не осмеливаюсь использовать слово «любовь», потому что оно стало почти неприличным, как и множество других ясных и чистых четырехбуквенных англосаксонских слов.

Вступительное слово

Психология – в этой области никто не знает слишком много. Внутренние пружины человеческой жизни по-прежнему в основном скрыты от нас. С тех пор как гений Фрейда вдохнул в нее жизнь, психология продвинулась далеко, но все же она еще остается молодой наукой, только намечающей очертания берегов неизведанного континента. Лет через пятьдесят будущие психологи, наверное, улыбнутся нашему нынешнему невежеству.

С тех пор как я оставил теоретическую педагогику и занялся детской психологией, мне пришлось поработать с самыми разными детьми: поджигателями, ворами, лжецами, теми, кто мочился в постель, и теми, кто страдал приступами ярости. Годы напряженной работы убедили меня, что я довольно мало знаю о движущих силах жизни. Я уверен, однако, что родители, которые имеют дело только с собственными детьми, знают гораздо меньше, чем я. И поскольку я считаю, что трудным ребенка почти всегда делает неправильное обращение с ним дома, я осмеливаюсь обратиться к родителям.

В чем состоит задача психологии? Я предлагаю слово «лечение». Однако я вовсе не хочу быть излеченным от предпочтения оранжевого или черного цвета; от пристрастия к курению, равно как и от моей привязанности к бутылочке пива. Ни один педагог на свете не имеет права лечить ребенка от желания извлекать шум из барабана. Единственное, от чего можно лечить, – это несчастье.

Трудный ребенок – несчастливый ребенок. Он находится в состоянии войны с самим собой, а следовательно, и со всем миром.

Трудный взрослый сидит в той же лодке. Ни один счастливый человек никогда не нарушал порядок на собрании, не проповедовал войну, не линчевал негра. Ни одна счастливая женщина никогда не придиралась к своему мужу или детям. Ни один счастливый мужчина никогда не убивал и не крал. Ни один счастливый начальник никогда не держал своих подчиненных в страхе.

Все преступления, всю злобу, все войны можно свести к несчастью. **Эта книга – попытка показать, как возникает несчастье, как оно разрушает человеческую жизнь и что можно сделать, чтобы несчастье по возможности не возникало.** Более того, это книга о конкретном месте – Саммерхилле, где детское несчастье излечивается и, что еще важнее, дети воспитываются в счастье.

Часть первая

Школа Саммерхилл

Идея Саммерхилла

Это рассказ об одной современной школе, которая так и называется – Саммерхилл. Школа была основана в 1921 г. Она расположена в городке Лейстон в Саффолке, приблизительно в ста милях от Лондона.

Несколько слов об учениках Саммерхилла. Дети попадают в нашу школу обычно в возрасте 5 лет, но могут прийти и в 15. Оканчивают школу в 16 лет. Как правило, у нас около 25 мальчиков и 20 девочек.

Дети разделены на три возрастные группы: младшие – от 5 до 7 лет, средние – от 8 до 10 и старшие – от 11 до 15. У нас учится довольно много детей из других стран. В данный момент, в 1968 г., среди наших учеников два скандинава и 44 американца.

Дети размещаются в школе по своим возрастным группам, в каждой есть домоправительница. Спальни детей среднего возраста находятся в каменном здании, старшие спят в летних домиках. Только один или двое старших учеников имеют отдельные комнаты. Комнаты как мальчиков, так и девочек рассчитаны на два-три-четыре человека. Никто не проверяет комнаты, и никто за детьми не прибирает. Их оставляют в покое. Никто не говорит им, что надевать: они носят что хотят.

Школу с таким порядком газеты называют школой «делай-что-хочешь», журналисты считают, что у нас тут сборище примитивных дикарей, не признающих никаких правил и не умеющих себя вести. Поэтому мне придется рассказать о Саммерхилле настолько честно, насколько я вообще могу это сделать. Понятно, что я пристрастен, когда пишу о своей школе, но все-таки я постараюсь показать не только ее заслуги, но и упущения. Заслуга – здоровые и свободные дети, чья жизнь не испорчена страхом и ненавистью.

Очевидно, что школа, которая заставляет детей, активных по своей природе, все время сидеть за партами, изучая по большей части бесполезные предметы, – это плохая школа. Она хороша лишь для тех, кто верит именно в такую школу, для людей, которые лишены творческой жилки, стремящихся и детей привести не к творчеству, а к послушанию, к полному соответствию цивилизации, где единственный критерий успеха – деньги.

Саммерхилл начинался как экспериментальная школа. Теперь это скорее показательная школа, а показывает она, что свобода делает свое дело. Когда мы с моей первой женой создавали эту школу, у нас была одна ведущая идея: школа должна подходить детям, а не наоборот – дети школе.

Я много лет преподавал в обычных школах. Я хорошо знал другой способ организации школьной жизни и понимал, что он никуда не годится. Не годится потому, что он основывается на представлениях взрослых о том, каким ребенок должен быть и как учиться. Этот другой способ ведет отсчет своего существования с тех времен, когда психология как наука была еще неизвестна.

Так вот **мы** **взялись** **создать** **школу**, **в** **которой** **детям** **предоставлялась** **бы** **свобода** **быть** **самими** **собой**. Для этого мы должны были отказаться от **всякой дисциплины, всякого управления, всякого внушения, всяких моральных поучений, всякого религиозного наставления**. Нас называли храбрецами, но это вовсе не требовало храбрости. Все, что требовалось, – это вера: в ребенка, в то, что он по природе своей существо

доброе, а не злое. Более чем за 40 лет вера в добрую природу ребенка ни разу не поколебалась и, скорее, превратилась в окончательную уверенность.

Я полагаю, что **ребенок внутренне мудр и реалистичен. Если его оставить в покое, без всяких внушений со стороны взрослых, он сам разовьется настолько, насколько способен развиваться.** Поэтому Саммерхилл – это такое место, где имеющие способности и желание заниматься наукой станут учеными, а желающие мести улицы будут их мести. Мы, правда, до сих пор не вырастили ни одного дворника. Я пишу это без всякого снобизма, потому что мне приятнее школа, выпускающая счастливых дворников, чем та, из которой выходят ученые-невротики.

Так что же это за школа, Саммерхилл? Во-первых, уроки необязательны. Дети вольны посещать их, если хотят, но могут и игнорировать – годами, если пожелают. Расписание существует, но только для учителей.

Дети обычно ходят на те занятия, которые соответствуют их возрасту, а иногда – интересам. У нас нет новых методов преподавания, потому что мы не считаем преподавание само по себе очень важным. Есть у школы особые способы обучения делению в столбик или их нет – не имеет никакого значения, потому что сам навык деления в столбик важен только для тех, кто хочет его освоить. А ребенок, который действительно хочет научиться делить в столбик, непременно будет уметь это делать независимо от того, каким способом его обучают.

Дети, которые поступили в Саммерхилл в дошкольном возрасте, ходят на уроки с самого начала своего пребывания у нас, но дети, поучившиеся прежде в других школах, заявляют, что они больше никогда в жизни не пойдут ни на один идиотский урок. Это продолжается порой несколько месяцев. Они играют, катаются на велосипедах, мешают другим, но уроков избегают. Время выздоровления от этой болезни пропорционально ненависти, порожденной у них их прошлой школой. Рекорд поставила одна девочка, пришедшая из монастырской школы. Она пробездельничала три года. Вообще, **средний срок выздоровления от отвращения к урокам – три месяца.**

Люди, не разделяющие нашей концепции свободы, подумают: что же это должен быть за сумасшедший дом, в котором дети, если хотят, могут играть целыми днями. Одни взрослые говорят: «Если бы меня отправили в такую школу, я бы вообще никогда ничего не делал». Другие говорят: «Такие дети будут чувствовать себя неполноценными, когда им придется состязаться с детьми, которых заставляли учиться».

Я же думаю о Джеке, который ушел от нас, когда ему было семнадцать, чтобы поступить на механический завод. Однажды его вызвал к себе управляющий.

– Ты парень из Саммерхилла, – сказал он. – Вот мне интересно, что ты думаешь об этом обучении теперь, когда ты встретился с ребятами из обычных школ. Если бы сейчас тебе снова пришлось выбирать, ты предпочел бы Итон или Саммерхилл?

– Конечно, Саммерхилл, – ответил Джек.

– Но что дает эта школа, чего не дают в других?

Джек поскреб затылок.

– Не знаю, – ответил он задумчиво. – Я думаю, что она дает чувство полной уверенности в себе.

– Да уж, – сухо констатировал управляющий, – я это заметил, когда ты вошел в мой кабинет.

– О Боже, – рассмеялся Джек, – жаль, если я произвел на вас такое впечатление.

– Мне это понравилось, – сказал управляющий. – Большинство людей, когда я вызываю их к себе в кабинет, ерзают на стуле и смущаются. Ты же вошел как равный. Между прочим, в какой отдел, ты сказал, ты хотел бы перейти?

Эта история показывает, что само по себе учение не так важно, как личность и характер. Джек провалился на экзаменах в университет, потому что ненавидел книжную премудрость.

Но недостаток знаний об «Эссе» Лэма¹ или незнание французского языка не сделали его не приспособленным к жизни. Сейчас он успешно работает механиком.

Между прочим, в Саммерхилле довольно много учатся. Возможно, группа наших двенадцатилетних и не сможет конкурировать с обычным классом такого же возраста в чистописании, орфографии или дробях. Но на экзамене, требующем сообразительности, наши разбили бы их в пух и прах.

У нас в школе нет переводных экзаменов, но иногда интереса ради я вдруг устраиваю нечто вроде экзамена. Однажды, например, были даны такие вопросы:

– *Где находятся Мадрид, остров Четверг, вчера, любовь, демократия, ненависть, моя карманная отвертка (увы, по поводу последнего не поступило ни одного полезного указания)?*

– *Приведите значения следующих слов (цифра показывает, сколько значений ожидается в каждом случае): hand²... только двое сумели правильно привести третье значение – единица измерения роста лошади. Brass³... металл, мелкие монеты, высшие армейские чины, оркестровая группа.*

– *Переведите монолог Гамлета «Быть или не быть» на саммерхиллский язык.*

Совершенно ясно, что эти вопросы несерьезны и дети получают от них огромное удовольствие. Новички, как правило, не поднимаются в ответах до уровня ребят, уже пообвыкшихся в школе. И не из-за слабости интеллекта, а скорее из-за укоренившейся привычки ходить проторенными дорожками, а свобода передвижения их озадачивает.

Мы говорили об игровом аспекте учения, но на всех занятиях проводится и большая работа. Если учитель почему-либо не может провести занятие, назначенное на данный день, то это обычно вызывает у детей большое разочарование.

Дэвида, 9 лет, пришлось изолировать из-за коклюша. Он горько плакал и протестовал: «Я же пропущу урок мисс Роджер по географии». Дэвид находился в школе практически с рождения, и у него были вполне определенные и окончательные представления о необходимости ходить на уроки, которые ему предлагают⁴. Сейчас Дэвид – профессор математики в Лондонском университете.

Несколько лет назад на общем собрании школы (где каждое из Правил для учащихся принимается всей школой, а каждый ученик и каждый сотрудник имеют при этом по одному голосу) кто-то предложил, чтобы определенные проступки наказывались отлучением от уроков на неделю. Дети запротестовали – это чересчур суровое наказание.

И я, и мои сотрудники до глубины души ненавидим экзамены. Для нас университетские экзамены – проклятие. Но мы не можем не учить наших ребят обязательным предметам. Пока экзамены существуют, нам приходится с этим считаться. А следовательно, педагоги Саммерхилла всегда достаточно квалифицированы, чтобы преподавать в соответствии с установленными стандартами.

Немногие дети хотят сдавать⁵ эти экзамены, к ним стремятся лишь те, кто собирается поступать в университет. Они обычно начинают серьезно готовиться к экзаменам лет с 14 и года за три осваивают все необходимое. Конечно, не всегда наши выпускники поступают с первой попытки. Важно, что они пробуют поступать снова.

¹ Лэм, Чарльз (Lamb) – известный английский писатель и критик конца XVIII – начала XIX в. Его произведение «Эссе Элии» входит в программу английских школ по литературе.

² Слово «hand» имеет в английском языке немало значений, среди которых есть и древняя единица измерения роста лошади, равная приблизительно 10 см.

³ Слово «brass» среди прочего означает медь как металл, мелкую монету, оркестровую группу, а на военном жаргоне – высшие армейские чины.

⁴ Если говорить по-английски, ученики выглядят более самостоятельными. Буквальный перевод этого места звучал бы так: «...у него были вполне определенные и окончательные представления о необходимости брать уроки, которые ему дают». Аналогичным образом англоговорящие ученики и студенты берут (или не берут) различные курсы и экзамены.

⁵ Ныне существующее положение или положение, которое существовало в некий момент прошлого.

Саммерхилл, вероятно, самая счастливая школа в мире. У нас нет прогульщиков и редко случается, чтобы дети тосковали по дому. У нас почти никогда не бывает драк – ссоры, конечно, неизбежны, но мне редко доводилось видеть кулачные бои вроде тех, в которых я участвовал мальчиком. Также редко я слышу, чтобы дети кричали, потому что у свободных детей, в отличие от подавленных, нет ненависти, которая требует выражения. Ненависть вскармливается ненавистью, а любовь – любовью. Любовь означает принятие детей, и это существенно для любой школы. Вы не можете быть на стороне детей, если наказываете или браните их. Саммерхилл – это школа, где ребенок знает, что его принимают.

Надо заметить, что нам вовсе не чужды человеческие слабости. Однажды весной я занялся посадкой картофеля, и, когда в июне обнаружил, что восемь кустов выдернуто, я устроил большой скандал. Тем не менее разница между моим скандалом и тем, какой устроил бы авторитарный педагог, была. Мой скандал был по поводу картошки, а скандал, который устроил бы авторитарный педагог, концентрировался бы на нравственной проблеме честности и нечестности. Я не говорил, что воровать картошку нельзя. Я делал акцент на том, что это моя картошка и поэтому воровать ее не следовало. Надеюсь, я понятно объяснил разницу.

Другими словами, я для детей не начальник, которого надо бояться. Мы с ними равны, и шум, который я поднял по поводу моей картошки, имеет для них не большее значение, чем шум, который поднял бы любой из мальчиков по поводу проколотой шины своего велосипеда. Если вы равны, нет ничего страшного в том, что я поднял шум.

Кое-кто скажет: «Это все одни разговоры. Никакого равенства тут не может быть. Нилл – главный, он старше и мудрее». И это правда. Я главный, и, если бы случился пожар, дети побежали бы ко мне. Они знают, что я старше и опытнее, но, когда я встречаюсь с ними на их территории, на картофельной грядке, так сказать, это не имеет значения.

Когда пятилетний Билли велел мне убираться с его дня рождения, потому что меня туда не приглашали, я сразу ушел, нимало не колеблясь, – точно так же Билли убегает из моей комнаты, когда я не желаю его общества. Описать такие отношения между педагогами и детьми нелегко, но всякий, кто побывал в Саммерхилле, понимает, что я имею в виду, говоря об идеальных отношениях. Это видно и применительно к персоналу в целом. Мистера Клейна, химика, зовут по имени – Аллан. Другие сотрудники известны детям как Гарри, Ула, Дафна. Меня называют Нилл, а повараху – Эстер.

В Саммерхилле у всех равные права. Никому не позволено брэнчать на моем рояле, но и мне не позволено брать без спроса чей-либо велосипед. На общих собраниях школы голос шестилетнего ребенка значит столько же, сколько мой.

Искусанный человек, конечно, скажет, что на практике все решают голоса взрослых. Разве шестилетний ребенок, прежде чем поднять руку, не посмотрит на то, как голосуете вы? Хотел бы я, чтобы он действительно иногда так поступал, а то слишком много моих предложений проваливается. **Если дети свободны, на них не так-то легко повлиять, и причина – в отсутствии страха.** Что и говорить, отсутствие страха – самое прекрасное, что может быть в жизни ребенка.

Наши дети не боятся наших сотрудников. Одно из школьных правил состоит в том, что после десяти часов вечера в коридоре верхнего этажа должно быть тихо. Однажды вечером, около одиннадцати, разгорелась подушечная баталия, и я поднялся из-за стола, за которым писал, чтобы выразить протест по поводу шума. Когда я поднимался вверх, в коридоре поначалу раздавался топот, а затем стало тихо и пусто. И тут я услышал как бы даже разочарованный взглас: «Да это же Нилл», – и веселье возобновилось.

Когда я объяснил, что сижу внизу и пытаюсь писать книгу, они проявили сочувствие и сразу согласились прекратить шум. А разбежались они, подумав, что их застукал дежурный, обязанный следить за соблюдением времени отбоя (их ровесник).

Я хочу подчеркнуть важность отсутствия страха перед взрослыми. Девятилетний ребенок, разбив окно мячом, придет и скажет мне об этом. Скажет, потому что не боится, что я разозлюсь и начну читать мораль. Ему, возможно, придется заплатить за окно, но он не опасается нотации или наказания.

Несколько лет назад случилось так, что школьное правительство ушло в отставку и никто не хотел выставлять свою кандидатуру на выборы. Я воспользовался случаем и вывесил объявление: «В отсутствие правительства настоящим объявляю себя Диктатором. Хайль Нилл!» Вскоре начался ропот. В середине дня ко мне пришел шестилетний Вивьен и сказал: «Нилл, я разбил окно в спортзале». Я отмахнулся от него: «Не приставай ко мне с такими мелочами», – сказал я, и он ушел. Чуть позже Вивьен вернулся и сообщил, что разбил еще два окна. Тут мне стало любопытно, и я спросил, в чем, собственно, состоит его идея.

– Я не люблю диктаторов, – ответил мальчик, – и я не люблю оставаться без еды. (Позже я выяснил, что оппозиция диктатуре попыталась отстоять свои права у поварахи, но та быстренько заперла кухню и ушла домой.)

– Ну и что ты собираешься делать дальше? – поинтересовался я.

– Бить окна.

– Вперед! – поддержал его я, и он отправился.

Когда он снова вернулся, то объявил, что разбил еще семнадцать окон.

– Но имей в виду, – слова Вивьена звучали убедительно, – я за них заплачу.

– Каким же образом?

– Из своих карманных денег. Сколько времени на это понадобится?

Я быстренько прикинул и ответил:

– Около десяти лет.

На мгновение он помрачнел, но потом я увидел, как его лицо посветлело.

– Ха, – закричал он, – я вообще не должен за них платить!

– А как же насчет правила личной собственности? – спросил я. – Окна – это моя личная собственность.

– Это я знаю, но теперь ведь нет никакого правила личной собственности. Правительства-то нет, а правила делает правительство. – Возможно, выражение моего лица заставило его добавить: – Но я все равно за них заплачу.

Однако платить за окна ему не пришлось. Вскоре на своей лекции в Лондоне я рассказал эту историю. После выступления ко мне подошел молодой человек и вручил фунтовую банкноту со словами: «В уплату за окна этого дьяволенка». И спустя два года Вивьен продолжал рассказывать разным людям о разбитых окнах и человеке, заплатившем за них: «Он, должно быть, ужасный придурок, он ведь меня даже ни разу не видел».

Дети легче вступают в контакт с незнакомцами, когда им неведом страх. **Английская сдержанность на самом деле – страх; и именно поэтому самые сдержанные люди – у кого больше всего денег.** То, что дети Саммерхилла так исключительно приветливы с гостями, – предмет гордости и для меня, и для моих коллег.

Следует, однако, признать, что большинство наших посетителей сами по себе интересны детям. Наименее желательный для них род гостей – ревностные педагоги, которые непременно хотят посмотреть их рисунки или письменные работы. Самый желанный гость – тот, у кого есть что рассказать – о приключениях или путешествиях, а лучше всего об авиации. Боксер или известный теннисист немедленно попадет в окружение детворы, а тот, кто только разглагольствует, будет безжалостно оставлен в одиночестве.

Чаще всего наши гости отмечают, что невозможно отличить детей от сотрудников. Это правда: чувство единения оказывается очень сильным, когда дети ощущают поддержку. Учитель как таковой ничем не выделяется. Ученики и сотрудники едят одно и то же и подчиняются

одинаковым для всех правилам общежития. Дети возмутились бы, если бы персоналу были предоставлены какие-либо привилегии.

Когда я стал проводить с персоналом еженедельные беседы по психологии, поднялся ропот – это показалось несправедливым. Я изменил свой план и сделал беседы открытыми для всех, кто старше 12 лет. И так каждый вторник вечером моя комната набита подростками, которые не только слушают, но и свободно высказывают свое мнение. Вот некоторые темы, которые дети просили меня обсудить: комплекс неполноценности, психология воровства, психология гангстера, психология юмора, почему человек изобрел мораль, мастурбация, психология толпы. Очевидно, что такие дети выйдут в жизнь с довольно широким и ясным представлением о себе и других.

Вопрос, который чаще всего задают посетители Саммерхилла, таков: «Не осудит ли ребенок, оглядываясь назад, школу за то, что она не заставляла его заниматься арифметикой или музыкой?» Ответ состоит в том, что юный Фредди-Бетховен или Томми-Эйнштейн все равно не позволят удержать их в стороне от соответствующих занятий.

Задача ребенка состоит в том, чтобы прожить свою собственную жизнь, а не ту, которую выбрали ему беспокойные родители. Разумеется, и не ту, которая соответствовала бы целям педагога, полагающего, что уж он-то знает, как лучше. Вмешательство и руководство со стороны взрослых превращают детей в роботов.

Вы не можете заставлять ребенка учиться музыке или чему-нибудь еще, не подавляя его волю и тем самым, хотя бы в некоторой степени, не превращая его в безвольного взрослого. Вы делаете из них людей, безропотно принимающих status quo, удобных для общества, которому нужны люди, послушно сидящие за скучными столами, толкущиеся в магазинах, автоматически вскакивающие в пригородную электричку в 8.30, – короче говоря, для общества, сидящего на хилых плечах маленького дрожащего человека – до смерти напуганного конформиста.

Взгляд на Саммерхилл

Опишу типичный день Саммерхилла. С 8.15 до 9.00 – завтрак. Дети и сотрудники берут себе завтрак на кухне и несут в столовую. Предполагается, что к началу уроков, в 9.30, постели будут застелены.

В начале каждого семестра вывешивается расписание. Так, в лаборатории у Дерека 1-й класс занимается по понедельникам, 2-й класс – по вторникам и т. д.⁶ Похожее расписание у меня по английскому языку и математике, у Мориса – по географии и истории. Младшие дети (7–9 лет) обычно большую часть первой половины дня проводят со своим собственным учителем, но они тоже посещают занятия по естественным наукам или Комнату искусств.

Детей никогда не принуждают присутствовать на уроках. Правда, если Джимми в понедельник придет на английский, а в следующий раз появится только через неделю в пятницу, то остальные вполне справедливо отметят, что он мешает им продвигаться, и могут даже прогнать его за это.

Вообще уроки продолжаются до часу, но у дошколят и младших школьников в 12.30 ленч. Школе приходится кормиться в две смены. У старших детей и персонала ленч в 13.30.

Вторая половина дня у всех совершенно свободна. Чем они занимаются в это время, я даже не знаю. Я садовничаю и редко вижу ребят поблизости. Одни старшие заняты моторами или радио, другие рисуют или пишут красками. В хорошую погоду старшие играют в спортивные игры. Кто-то возится в мастерской, чинит свой велосипед, делает лодку или игрушечный револьвер.

В 16 часов подается чай. В 17 начинаются разные занятия. Младшие любят, чтобы им читали. Средняя группа предпочитает работать в Комнате искусств: рисовать, делать линогравюры, мастерить что-нибудь из кожи, плести корзины. Обычно довольно многолюдно в гончарной мастерской, это фактически самое любимое место у ребят и утром, и вечером. Самые старшие работают после чая и, бывает, задерживаются допоздна. Мастерская для работы по дереву и металлу всегда полна допоздна.

Вечером в понедельник ребята ходят в местный кинотеатр (за счет родителей). Если репертуар меняется в четверг, те, у кого есть деньги, могут снова пойти в кино.

Вечером во вторник персонал и старшие дети слушают мои беседы по психологии. В это время младшие дети, разделившись на группы, читают. Вечер среды посвящается танцам. Пластинки для танцев выбираются из огромной стопки. Все дети – хорошие танцоры, и некоторые наши гости говорят, что чувствуют себя не на высоте, танцуя с ними. Для вечера четверга ничего специально не предусмотрено. Старшие отправляются в кино в Лейстон или Альдборо. Вечер пятницы отведен для особых случаев, например репетиций спектаклей.

Вечер субботы – самый важный у нас, потому что это время общего собрания школы. После собрания обычно бывают танцы. В зимние месяцы воскресные вечера отданы самодеятельному театру.

Для занятий ручным трудом расписания нет. Нет и установленных заданий в столярной мастерской. Дети делают что хотят. А хотят они почти всегда игрушечный револьвер, ружье, лодку или змея. Даже старших мальчиков не привлекают сложные столярные работы типа распущенного веером хвоста голубя. Мало кого интересует и мое увлечение – чеканка, ведь медный сосуд дает не слишком много простора для воображения.

В хорошую погоду саммерхиллских гангстеров можно и не заметить. Они разбегаются по дальним уголкам и предаются своим отчаянным приключениям. Но девочки на виду: в доме или около него, но всегда поблизости от взрослых.

⁶ Порядковый номер класса в данном случае обозначает группу, в которую дети объединены по возрасту.

Комната искусств часто полна девочек – они рисуют или делают замечательные вещи из ярких тканей. Как мне кажется, маленькие мальчики более изобретательны, чем девочки; по крайней мере я никогда не слышал от мальчика, что ему скучно, что он не знает, чем заняться, а от девочек такое слышать доводилось.

Возможно, однако, что мальчики кажутся мне более изобретательными, чем девочки, поскольку школа лучше оборудована для мальчиков. Девочки лет 10 и старше редко находят себе дело в мастерской, где работают с деревом и металлом. У девочек нет желания возиться с двигателями, их не привлекают электричество и радио. У них есть их художественная работа, которая включает гончарное ремесло, изготовление линогравюр, живопись и шитье, но некоторым этого недостаточно. В кулинарии мальчики не менее ловки, чем девочки. И девочки, и мальчики пишут и ставят свои собственные пьесы, делают костюмы и декорации. В целом актерские способности детей очень высоки, потому что их игра искренна и они не переигрывают.

Химическую лабораторию девочки, похоже, посещают не реже, чем мальчики. Мастерская, по-видимому, единственное место, не привлекающее девочек старше 9 лет.

Девочки принимают менее активное участие в школьных собраниях, чем мальчики, и я пока не знаю, чем это объяснить. До недавнего времени девочки обычно поздно поступали в Саммерхилл; у многих из них не удалась учеба в монастырских и женских школах. Я никогда не считаю таких детей хорошим материалом для воспитания в условиях свободы. Девочки, поздно поступавшие к нам, были, как правило, детьми родителей, не умевших ценить свободу, ибо, если бы они ее действительно ценили, их дочери не стали бы «трудными»⁷. А после того как такая девочка в Саммерхилле оправлялась от своей неудачи, родители быстренько переводили ее в «хорошую школу, где ей дадут образование».

В последние годы к нам стали поступать девочки из семей, верящих в Саммерхилл. Это замечательные дети, полные жизнелюбия, оригинальности и инициативы.

Иногда мы теряли девочек по финансовым причинам, в частности, из-за того, что надо было платить за пребывание их братьев в дорогих частных школах. Старинная традиция считать сына главным в семье умирает трудно. Случалось, мы теряли и девочек, и мальчиков из-за собственнической ревности родителей, боявшихся, что дети отдадут школе ту преданность, которую они обязаны проявлять по отношению к семье.

Саммерхиллу всегда приходилось тем или иным образом бороться за свое существование. **Немногие родители обладают достаточным терпением и верой, чтобы отправить своих детей в школу, где те смогут играть, вместо того чтобы учиться. Родителей дрожь берет при мысли, что к 21 году их ребенок может оказаться не способен зарабатывать себе на жизнь.**

Сегодня в Саммерхилле в основном учатся те, чьи родители хотят, чтобы дети выросли без ограничивающей их дисциплины. Это большое счастье, потому что в прежние времена я, бывало, получал сына твердолобого консерватора, отправлявшего его ко мне от отчаяния. Таких родителей вовсе не интересовала свобода для их детей, и в душе они, должно быть, считали нас кучкой помешанных чудаков. Таким консерваторам было очень трудно что-нибудь объяснить.

Я вспоминаю одного военного господина, который размышлял, не записать ли к нам в ученики своего девятилетнего сына.

– Место вроде подходящее, – говорил он, – но у меня есть одно опасение. Мой мальчик может здесь научиться мастурбации.

⁷ То, что принято называть по-русски «трудный ребенок», по-английски обозначается как «problem child» – ребенок с проблемами.

Я спросил его, почему он так уж этого боится.

– Это ведь ему повредит, – ответил он.

– Но ведь это не слишком повредило ни вам, ни мне, не правда ли? – поинтересовался я. Он поспешил убраться отсюда вместе с сыном.

Потом была еще одна богатая мамаша, которая после часа расспросов повернулась к мужу и сказала:

– Я никак не могу решить, отдавать сюда Марджори или нет.

– Не трудитесь, – сказал я. – Я решил за вас. Я ее не беру.

Мне пришлось объяснить ей, что я имел в виду.

– Вы на самом деле не верите в свободу, – сказал я. – И если бы Марджори поступила сюда, мне пришлось бы потратить полжизни, объясняя вам, что это такое, и в конце концов вы все-таки не были бы удовлетворены. Для психики Марджори результат был бы разрушителен, потому что перед ней постоянно маячил бы ужасный вопрос: кто прав – дом или школа?

Идеальные родители – это те, которые приходят и говорят: «Саммерхилл – это как раз то место, которое необходимо для наших детей; никакая другая школа нам не годится».

Особенно трудно было, когда мы открывали школу. Мы могли принимать детей только из высших и средних слоев населения, поскольку нам нужно было как-то сводить концы с концами. За нами не было никакого богача мецената. В самом начале один добрый человек, пожелавший сохранить анонимность, помог нам пережить пару трудных моментов; позднее один из родителей сделал щедрый подарок – новую кухню, радиоприемник, новый флигель к нашему дому, новую мастерскую. Это был идеальный спонсор – он не ставил никаких условий и ничего не просил взамен.

– Саммерхилл дал моему Джимми то образование, которого я для него хотел, – просто сказал Джеймс Шэнд, потому что по-настоящему верил в необходимость свободы для детей.

Однако мы никогда не могли принимать детей бедняков. И это очень жаль, потому что нам пришлось ограничить свое исследование детьми среднего класса. А природа ребенка порой довольно трудно просматривается за большими деньгами и дорогой одеждой. Когда девочка знает, что к своему двадцать первому дню рождения она станет обладательницей значительного состояния, в ней нелегко обнаружить ее детскую сущность. К счастью, однако, большинство нынешних и прежних учеников Саммерхилла не были испорчены богатством, все они знают, что сами будут зарабатывать себе на жизнь, когда школа останется позади.

В Саммерхилле работают нянечки из городка. Они проводят у нас целый день, а спать уходят домой. Это молодые девушки, которые много и хорошо трудятся. В свободной атмосфере, где ими никто не командует, они работают больше и лучше, чем это делают служанки, которых постоянно контролируют. Они во всех отношениях прекрасные девушки. Я всегда испытываю стыд за то, что этим девушкам приходится много работать, потому что они родились бедными, в то время как я всю жизнь учу девочек из обеспеченных семей, у которых не хватает энергии застелить собственную постель. Должен, однако, признаться, что сам ненавижу убирать постель. Мои убогие отговорки, что у меня так много других дел, не производят никакого впечатления на детей. Они глумливо хихикают, когда я оправдываюсь тем, что не следует ожидать от генерала, чтобы он убирал мусор.

Я не раз говорил, что взрослые Саммерхилла не образцы добродетели. Мы такие же люди, как и все, и наши человеческие слабости часто входят в конфликт с нашими же теориями. В обычной средней семье, если ребенок разбивает тарелку, отец или мать поднимают шум – тарелка становится важнее ребенка. В Саммерхилле, если ребенок или нянечка роняет стопку тарелок, я ничего не говорю и моя жена никак это не комментирует. Оплотность есть оплотность. Но если ребенок берет у нас книгу и оставляет ее на улице под дождем, моя жена сердится, ибо книги значат для нее очень много. Меня подобные случаи не трогают, потому что

книги не имеют для меня особой ценности. В то же время моя жена ужасно удивляется, когда я устраиваю скандал из-за сломанного зубила. В отличие от нее я высоко ценю инструменты.

Для нас жить в Саммерхилле – это постоянно отдавать. Гораздо больше, чем дети, нас утомляют посетители, потому что они тоже ждут от нас некоей отдачи. Возможно, отдавать – более похвально, чем получать, но, безусловно, гораздо утомительнее.

Наши общие собрания по субботам, к сожалению, выявляют некоторое противостояние между детьми и взрослыми. Это естественно, так как **в сообществе людей разного возраста взрослые не должны жертвовать всем ради младших, иначе они окончательно испортили бы детей.** Взрослые жалуются, что шайка старших школьников не дает им уснуть своим смехом и разговорами, после того как все уже легли. Гарри жаловался, что он потратил целый час, расчерчивая доску для входной двери, сходил на ленч и, вернувшись, обнаружил, что Билли превратил ее в полочку. Я выдвигаю обвинения против мальчишек, которые позаимствовали и не вернули мой паяльный набор. Моя жена поднимает шум из-за того, что три малыша, которые пришли после ужина и заявили, что они голодны, получили по куску хлеба с джемом, а наутро хлеб валялся в холле. Питер печально докладывает, что в гончарной мастерской наши разбойники кидались друг в друга его драгоценной глиной. Вот так она и идет, эта борьба между взрослой точкой зрения и детской несознательностью. Но борьба никогда не переходит на личности; никто не таит зла по отношению к конкретному человеку. Этот конфликт делает Саммерхилл очень живым. Что-то постоянно происходит, и за целый год не случается ни одного скучного дня.

Персонал, к счастью, не слишком одержим собственностью. Однако я признаю, что мне больно, когда, купив жестянку особой краски по три фунта за галлон, вдруг обнаруживаю – одна из девочек взяла этот драгоценный состав, чтобы покрасить старую кровать. Я очень дорожу своим автомобилем, пишушей машинкой и инструментами, но ущемление моего чувства собственности не сказывается на моем отношении к людям. Если для вас это не так, вам не следует быть директором школы.

Большой износ и расход материалов в Саммерхилле вполне понятен, этого можно избежать только держа всех в страхе. Износа и истощения душевных сил избежать невозможно, потому что дети всегда чего-то просят и требования детей должны быть удовлетворены. Дверь моей гостиной открывается по пятьдесят раз в день, и кто-нибудь из детей спрашивает:

- Сегодня вечером будет кино?
- Почему мне не дают Л.У. (личный урок)?
- Ты не видел Пэм?
- А где Энн?

Все это обычный рабочий день, и я не чувствую особенного напряжения, хотя у нас, по существу, настоящей личной жизни нет. Возможно, отчасти это связано с тем, что наш дом по своему устройству не слишком пригоден для школы; впрочем, так кажется только взрослым, поскольку дети сидят у нас на шее. Так или иначе, но к концу семестра и я, и жена ужасно устаем.

Стоит отметить, что наши сотрудники очень редко теряют самообладание. Это свидетельствует в пользу не только персонала, но и детей. В самом деле, жизнь с этими детьми восхитительна, и поводы выйти из себя чрезвычайно редки. **Если ребенок свободен и принимает самого себя таким, какой он есть, он обычно не злится и не находит никакого удовольствия в том, чтобы вывести из себя взрослого.**

Однажды у нас чересчур чувствительную к критике в свой адрес учительницу задразнили девчонки. Никого другого из персонала они не стали бы дразнить, потому что никто бы так не реагировал. **Обычно дразнят только того, кто слишком много о себе воображает.**

Проявляют ли ученики Саммерхилла агрессивность, обычную для детей? Что ж, каждому ребенку нужна некоторая агрессивность, чтобы проложить себе дорогу в жизни. Чересчур

высокая агрессивность, которую мы видим в несвободных детях, есть утрированный протест против ненависти, направленной на них. В Саммерхилле, где ни один ребенок не чувствует ненависти со стороны взрослых, агрессивность не так необходима. **Агрессивные дети, которые у нас есть, – это всегда те, которые не получают в семье ни любви, ни понимания.**

Когда я, еще мальчиком, ходил в сельскую школу, разбитые в кровь носы случались по меньшей мере еженедельно. Агрессивность драчливого типа есть ненависть; для выхода нужны драки. Дети, находящиеся в атмосфере, совершенно лишенной ненависти, не проявляют ее.

Я полагаю, что то значение, которое фрейдисты придают агрессивности, вызвано изучением семей и школ – таких, каковы они есть. Нельзя изучить собачью психологию, наблюдая ретривера на цепи. Не стоит и умозрительно теоретизировать по поводу человеческой психологии, когда человечество посажено на строгую цепь, создававшуюся поколениями жизненавистников. Я утверждаю: в свободной атмосфере Саммерхилла проявления агрессивности совершенно непохожи на те, что характерны для школ со строгой дисциплиной.

Однако свобода в Саммерхилле отнюдь не означает пренебрежения здравым смыслом. Мы принимаем все меры предосторожности, чтобы обеспечить безопасность учеников. Например, дети могут купаться, только если на месте находятся спасатели – по одному на шестерых детей; ни один ребенок младше 11 лет не может в одиночку ездить на велосипеде по улице. Эти правила исходят от самих детей, они утверждены голосованием на общем собрании школы.

Лазанье по деревьям никаким законом не регламентировано. **Лазанье по деревьям – часть жизненного образования; запретить вообще рискованные предприятия – значит сделать ребенка трусом.** Мы запрещаем лазанье по крышам, пневматические ружья и другое оружие, которое может поранить. Я неизменно беспокоюсь, когда все как сумасшедшие дерутся на деревянных мечях, и настаиваю на том, чтобы их концы были обмотаны резиной или тканью, но и при соблюдении этих условий я счастлив, когда сумасшествие идет на убыль. Трудно провести границу между разумной осторожностью и излишней мнительностью.

У меня никогда не было любимчиков в школе. Конечно, какие-то дети нравятся мне больше, но я научился не показывать этого. Возможно, успех Саммерхилла отчасти объясняется тем, что дети чувствуют: к ним ко всем относятся одинаково и уважительно. Я всегда боюсь сентиментального отношения к детям в любой школе, ведь так легко воображать своих гусей лебедями и видеть Пикассо в ребенке, способном заляпать краской лист бумаги.

В большинстве школ, где мне пришлось преподавать, учительская была маленьким адом, полным интриг, ненависти и зависти. Наша учительская – счастливое место. Здесь нет злобы. В условиях свободы взрослые, как и дети, обретают счастье и доброжелательность. Бывает, что кто-то из новых членов нашего коллектива поначалу реагирует на свободу почти так же, как дети: он может ходить небритым, подолгу валяться в постели утром, даже нарушать законы школы. К счастью, у взрослых изживание комплексов обычно происходит быстрее, чем у детей.

Через воскресенье по вечерам я рассказываю младшим детям истории их собственных приключений. Я делаю это годами; они побывали в глубинах Африки, на дне океанов и за облаками. Некоторое время назад я рассказал им, что случилось после моей смерти. Саммерхилл перешел под начало сурового человека по имени Маггинс. Он сделал уроки обязательными. Если кто-то произносил всего лишь «черт!», его наказывали розгой. Я живописно изобразил, как все они кротко подчинились его приказам.

Детвора – от 3 до 8 лет – пришла в ярость: «Мы не подчинились. Мы все убежали. Мы его убили молотком. Думаешь, мы бы стали терпеть такого человека?»

В конце концов я понял, что смогу успокоить их, только ожив и вышвырнув господина Маггинса за порог. Это были самые младшие дети, никогда не знавшие строгой школы, и их ярость была спонтанна и естественна. Детям было противно даже подумать о мире, в котором директор школы не на их стороне, благодаря их опыту жизни не только в Саммерхилле, но и дома, где мама и папа тоже всегда за них.

Один американский гость, профессор психологии, критиковал нашу школу за то, что она остров, чье население не участвует в окружающей жизни и не является органической частью более крупной социальной общности. Я в ответ поинтересовался: а что произошло бы, если, создавая школу в маленьком городке, я попытался бы подстроить ее под вкусы местного населения? Сколько человек – в расчете на сотню родителей – одобрили бы свободу выбора в отношении посещения уроков? Сколько человек согласились бы с правом ребенка мастурбировать? С самого первого слова я вынужден был бы приносить в жертву компромиссам то, в истинность чего я верю.

Да, Саммерхилл – остров. Он и должен быть островом, потому что родители его учеников живут за много миль от него и даже в других странах. Раз невозможно собрать всех родителей вместе в городке Лейстон, графство Саффолк, Саммерхилл не может быть частью культурной, экономической и общественной жизни Лейстона.

Добавлю, что школа все же не в полном смысле слова является островом по отношению к Лейстону. У нас множество контактов с местными жителями, и отношение друг к другу обеих сторон вполне дружеское. Тем не менее мы, конечно же, не стали частью местного сообщества. Мне никогда в голову не пришло бы попросить издателя местной газеты напечатать рассказ об успехах моих бывших учеников.

Мы играем с городскими детьми в спортивные игры, но в отношении образования наши цели слишком сильно расходятся. Не принадлежа ни к какой религии, мы не поддерживаем связи ни с одной религиозной организацией города. Будь Саммерхилл интегрирован в городскую жизнь, нас бы вынудили давать ученикам религиозное образование.

Я уверен, что мой американский друг сам не понимал смысла своей критики. Думаю, он имел в виду следующее: Нилл – просто бунтарь, его система не может ничего предложить, чтобы сплотить общество в гармоничном единстве, не преодолевает пропасть между детской психологией и общественным невежеством в этой области, между жизнью и анти-жизнью, между школой и домом. Мой ответ состоит в том, что я не проповедник, активно стремящийся обратить общество в свою веру; я могу лишь убеждать в необходимости избавления от ненависти, наказаний и мистики. Хотя я пишу и говорю открыто все, что я думаю об этом самом обществе, но, попытайся я на деле изменить его, оно уничтожило бы меня как существо общественно опасное.

Если бы, например, я попытался создать общество, в котором подростки имели свободу естественным образом вести свою интимную жизнь, я был бы по меньшей мере разорен, если вообще не посажен в тюрьму как безнравственный растлитель юношества. При всей ненависти к компромиссам здесь я должен идти на компромисс, понимая, что моя главная цель не реформировать общество, а принести счастье в жизнь хотя бы нескольких детей.

Образование в Саммерхилле по сравнению со стандартным образованием

Я полагаю, что цель жизни состоит в том, чтобы найти свое счастье и, следовательно, найти свой интерес в жизни. Образование должно бы стать подготовкой к жизни. Наша культура, однако, не слишком в этом преуспела: наши образование, политика и экономика ведут к войнам. Наши лекарства не в силах справиться с болезнями. Наша религия не может победить ростовщичество и грабеж. Наш хваленый гуманизм до сих пор позволяет общественному мнению одобрительно относиться к варварскому спорту – охоте. Достижения нашего века сводятся к техническому прогрессу: к изобретению радио и телевидения, электроники, реактивных самолетов. Нам грозят новые мировые войны, поскольку мировое общественное сознание остается примитивным.

Если бы нам захотелось ответить на следующие каверзные вопросы, сделать это было бы нелегко. Почему у людей, похоже, гораздо больше разных болезней, чем у животных? Почему люди ненавидят и убивают друг друга на войне, а животные – нет? Почему люди все чаще болеют раком? Почему так много самоубийств? А сексуальных маньяков? Откуда такой человеконенавистнический антисемитизм? Откуда ненависть к неграм и суд Линча? А клевета и злословие за спиной? Почему секс – это что-то грязное и объект непристойных шуток? Почему незаконнорожденный обречен на общественное презрение? Почему продолжают существовать религии, давно уже утратившие веру в любовь, надежду и милосердие? Почему? Тысячи разных «почему?» вызывает пресловутое превосходство нашей цивилизации!

Я задаю все эти вопросы потому, что я по профессии – учитель, человек, имеющий дело с молодежью. Я задаю эти вопросы потому, что те вопросы, которые обычно задают учителя, – неважные, ибо касаются преимущественно школьных предметов. Я спрашиваю, что существенно важного могут дать дискуссии о французской или древней истории, если сами эти предметы не имеют никакого значения в сравнении с гораздо более важным для жизни вопросом – личного счастья человека.

Сколько в нашем образовании настоящего дела, созидания, подлинного самовыражения? Даже уроки труда чаще всего посвящены изготовлению железного противня под наблюдением специалиста. **Даже система Монтессори, широко известная как система обучающей игры, есть искусственный способ заставить ребенка учиться через действие. Ничего творческого в ней нет.**

В семье ребенка тоже постоянно учат. Почти в каждом доме всегда найдется по крайней мере один великовозрастный недоросль, который кинется показывать Томми, как работает его новая машинка. Всегда есть кто-нибудь, готовый поднять малыша на стул, когда тот хочет рассмотреть что-то на стене. **Всякий раз, показывая Томми, как работает его новая машинка, мы крадем у ребенка радости жизни: открытия, преодоления трудностей. Хуже того! Мы заставляем ребенка поверить, что он маленький, слабый и зависит от посторонней помощи.**

Родители не спешат понять, насколько неважна учебная сторона школы. **Дети, как и взрослые, научаются только тому, чему хотят научиться. Все награды, оценки и экзамены лишь отвлекают от подлинного развития личности.** И одни лишь доктринеры могут утверждать, что учение по книжкам и есть образование.

Книги – наименее важный инструмент школы. Все, что действительно нужно каждому ребенку, – это чтение, письмо и арифметика; остальное надо предоставить инструментам и глине, спорту и театру, краскам и свободе.

Большая часть школьной учебы, которую выполняют подростки, – простая растрата времени, сил, терпения. Она отбирает у детства право играть, играть и играть; она водружает старческие головы на юные плечи.

Когда я читаю лекции студентам университетов или педагогических колледжей, я всякий раз поражаюсь инфантильности, незрелости этих парней и девушек, набитых бесполезным знанием. Они немало знают, они блистательно рассуждают, они могут процитировать классиков, но в своих взглядах на жизнь многие из них просто младенцы. Потому что их учили знать, но не разрешали чувствовать. Эти студенты приветливы, доброжелательны, энергичны, но чего-то им не хватает: эмоциональности особого рода, способности подчинять мышление чувствам. И я говорю с ними о мире, который они не замечали и продолжают не замечать. Их учебникам нет дела ни до человеческих характеров, ни до любви, ни до свободы, ни до самоопределения. Так система и живет, ориентируясь только на стандарты книжного учения и продолжая разлучать ум и сердце.

Настало время бросить вызов существующим представлениям о работе школы. Считается само собой разумеющимся, что каждый ребенок должен изучать математику, историю, немного естественных наук, чуть-чуть искусства и, уж конечно, литературу. Пришло время понять, что обычный ребенок толком не интересуется ни одним из этих предметов.

Подтверждение этому я нахожу в каждом новом ученике. Узнав, что учеба – дело добровольное, он кричит: «Ура! Теперь уж никто не застанет меня за арифметикой или еще какой-нибудь скучной ерундой!»

Я вовсе не пытаюсь умалить значение учебы. Однако она по важности должна идти после игры. И не надо эдак аккуратненько перемежать учебу игрой, чтобы сделать ее приятной.

Учеба важна, но не для каждого. Нижинский не мог сдать школьные экзамены в Санкт-Петербурге, а без этого его не могли принять в Государственный балет. Он просто не мог выучить школьные предметы – его мысли были далеко от них. Как рассказывает его биограф, экзаменаторы смошенничали, выдав ему тексты ответов вместе с бумагой для подготовки. Как велика была бы потеря для мира, если бы Нижинскому пришлось сдавать экзамены по-настоящему!

Творческие люди изучают то, что хотят знать, чтобы обрести орудия, которых требуют их индивидуальность и талант. Нам никогда не узнать, сколько творчества убивается в школьных классах из-за того, что школа придает такое значение учебе.

Я знал девочку, которая каждую ночь рыдала над геометрией. Мать хотела, чтобы она поступила в университет, а девочка по всему своему складу была натурой артистической. Я пришел в восторг, когда узнал, что она в седьмой раз провалила вступительные экзамены в колледж. Может быть, теперь мать позволит ей наконец уйти на сцену, к чему дочь так долго стремилась.

Некоторое время назад я встретился в Копенгагене с девочкой, проведенной три года в Саммерхилле и прекрасно говорившей по-английски. «Думаю, ты первая в классе по английскому языку», – сказал я. Она скорчила унылую гримасу и ответила: «Нет, я последняя в классе, потому что не знаю английской грамматики». Полагаю, это едва ли не лучший пример того, что взрослые считают образованием.

Равнодушные школяры, под нажимом заканчивающие колледж или университет и превратившиеся в лишенных воображения учителей, посредственных врачей и некомпетентных юристов, могли бы стать хорошими механиками, отличными каменщиками или первоклассными полицейскими.

Мы обнаружили, что ребенок, который не может или не хочет учиться читать лет, скажем, до пятнадцати, – это всегда человек с технической жилкой, впоследствии из него получается хороший механик или электрик. Что касается девочек, кото-

рые никогда не посещают уроков, особенно по математике и физике, я не стал бы делать столь же категорических выводов. Такие девочки часто проводят много времени за рукоделием, и некоторые впоследствии становятся портнихами или дизайнерами одежды. Учебный план, который заставляет будущую портниху заниматься квадратными уравнениями или законом Бойля, абсурден.

Колдуэлл Кук написал книгу под названием «Путем игры», в которой рассказал, как он обучал английскому языку игровым методом. Получилась прекрасная, увлекательная книга, полная великолепных находок, тем не менее я полагаю, что это был лишь новый способ поддержать теорию об исключительной важности учения. Кук считал учение настолько важным, что подсластил игрой эту пилюлю. **Представление, что, если ребенок не учится непременно чему-нибудь, значит, он теряет время попусту, – какое-то проклятие, пагуба, ослепляющая тысячи учителей и большинство школьных инспекторов.** Пятьдесят лет назад звучал лозунг: «Учиться в деле». Сегодня лозунгом стало «Учиться в игре». Игра, таким образом, используется лишь как средство достижения цели, но я, право, не знаю, чем хороша сама цель.

Если учитель, увидев детей, играющих в грязи, немедленно использует этот прекрасный момент, чтобы порассуждать об эрозии речных берегов, какую, собственно, цель он преследует? Какое ребенку дело до этой эрозии? Многие так называемые педагоги полагают: совершенно не важно, чему ребенок учится, лишь бы ему что-нибудь преподавали. И конечно, что еще может делать учитель в школе – такой, как она есть, т. е. на фабрике массового производства, кроме как преподавать хоть что-нибудь и научиться верить в первоочередное значение преподавания самого по себе?

Читая лекции учителям, я заранее предупреждаю, что не собираюсь говорить ни о школьных предметах, ни о дисциплине, ни об уроках. С час моя аудитория слушает в глубоком и восхищенном внимании, и после искренних аплодисментов председательствующий объявляет, что я готов ответить на вопросы. По крайней мере три четверти вопросов касаются школьных предметов.

Я говорю об этом без всякого осуждения. Я говорю об этом с сожалением, чтобы показать, что стены классов и зданий тюремного типа суживают взгляд учителя и не дают ему увидеть подлинно существенные стороны образования. Его работа направлена исключительно на ту часть ребенка, что находится выше шеи, а следовательно, эмоциональная, т. е. самая жизненно важная, сторона ребенка для него закрыта.

Я был бы рад увидеть более широкое сопротивление этому со стороны наших молодых учителей. Но высшее образование и университетские степени нисколько не помогают бороться с пороками общества. Образованный невротик ничем не отличается от необразованного.

Во всех странах – капиталистических, социалистических или коммунистических – строятся тщательно продуманные школы для образования молодежи. Но все эти прекрасные лаборатории и мастерские не делают ничего, чтобы помочь Джону, Петеру или Ивану пережить эмоциональный урон и преодолеть социальные пороки, развившиеся в нем в результате давления со стороны родителей и школьных учителей, всей нашей принудительной по своему характеру цивилизации.

Судьбы выпускников Саммерхилла

Страх родителей перед будущим часто заставляет их действовать в ущерб здоровью своих детей. Страх этот, как ни странно, проявляется в желании родителя, чтобы ребенок научился большему, чем он сам. Такой родитель не в состоянии ждать, чтобы его Вилли научился читать, когда сам того захочет, он нервничает и боится, что Вилли вообще ничего не добьется в жизни, если его не подталкивать. Такому родителю не хватает терпения, чтобы позволить ребенку двигаться со своей собственной скоростью. Они спрашивают: «Если мой сын не умеет читать в 12 лет, какие у него шансы добиться успеха в жизни? Если в 18 он не сможет сдать вступительные экзамены в колледж, что ему останется кроме неквалифицированного труда?» Но я научился ждать, наблюдая, как ребенок продвигается понемногу или не продвигается вовсе. Я не сомневаюсь, что в конце концов, если не приставать к нему и не вредить ему, он добьется успеха в жизни.

Конечно, обыватель может сказать: «Хм, по-вашему, значит, стать водителем грузовика – успех в жизни!» **Мой собственный критерий успеха – способность радостно работать и уверенно жить.** При таком определении большинство учеников Саммерхилла преуспели в жизни.

Том поступил в Саммерхилл в 5 лет. Он ушел от нас в 17, так и не посетив ни одного урока. Он проводил большую часть времени в мастерской, делая самые разные вещи. Его отец и мать не могли без содрогания подумать о будущем сына. Он никогда не проявлял ни малейшего желания научиться читать.

Но однажды вечером (ему тогда было 9 лет) я обнаружил его в постели за чтением «Давида Копперфильда».

– Привет, – сказал я, – кто научил тебя читать?

– Я сам научился.

Еще через несколько лет он пришел ко мне, чтобы спросить: «Как сложить половину и две пятых?» Я объяснил и спросил, не хочет ли он узнать что-нибудь еще. «Нет, спасибо», – ответил он.

– Позднее он получил место ассистента оператора на киностудии. Когда он еще только осваивал эту работу, я случайно встретился с его начальником на одном званом обеде и, конечно, спросил, как там Том.

– Лучшего парня у нас не было, – ответил его босс. – Он никогда не ходит – он бегаёт. А в выходные с ним просто беда, потому что он торчит на студии и в субботу, и в воскресенье.

Был еще один мальчик, который не мог научиться читать, – Джек. Никто не мог его научить. Даже когда он сам попросил, чтобы ему давали уроки чтения, какой-то скрытый психологический изъян мешал ему различать буквы «b» и «p». Он покинул нашу школу в 17 лет, не умея читать.

Сейчас Джек – прекрасный токарь-инструментальщик. Он обожает разговоры о работе с металлом. Теперь он умеет читать, но, насколько я знаю, читает он главным образом статьи по технике и иногда кое-что по психологии. Не думаю, чтобы он когда-нибудь прочел хоть один роман, тем не менее он абсолютно грамотно говорит по-английски и его общий интеллектуальный уровень замечателен. Один американский посетитель, ничего не зная о его истории, сказал мне: «Что за умница этот Джек!»

Диана, славная девочка, посещала уроки без особого удовольствия. У нее был совершенно неакадемический склад ума. Я долго не мог себе представить, чем бы она могла заняться в жизни. Когда она в 16 лет уходила от нас, любой школьный инспектор признал бы ее образование плохим. Сегодня Диана занимается в Лондоне рекламой кулинарных изделий. Она чрезвычайно умелый работник, и – что гораздо важнее – она нашла счастье в работе.

Однажды некая фирма потребовала, чтобы все ее служащие имели по крайней мере сданные вступительные экзамены в колледж. Я написал главе этой фирмы по поводу Роберта: «Этот парень никогда не сдавал никаких экзаменов, потому что у него неакадемическая голова. Но у него сильный характер». Роберт получил работу.

Уинифрид, 13 лет, новая ученица, заявила мне, что ненавидит все школьные предметы, и завопила от радости, когда я сказал ей, что она вольна делать только то, что хочет. «Ты не должна даже приходить в класс, если не хочешь», – сказал я.

Она решила наслаждаться вольной жизнью и делала это в течение нескольких недель. Потом я заметил, что она заскучала.

– Поучи меня чему-нибудь, – попросила она меня однажды, – мне скучно так болтаться.

– Здорово! Чему ты хочешь научиться?

– Не знаю, – ответила она.

– А я тоже не знаю, – сказал я и ушел от нее.

Шли месяцы. Потом она пришла ко мне снова. «Я собираюсь сдавать вступительные экзамены в колледж и хочу, чтобы ты давал мне уроки».

Каждое утро она занималась со мной и с другими учителями, и занималась хорошо. Она признавала, что предметы ее не слишком интересовали, но у нее появилась цель. Уинифрид нашла себя, когда ей позволили быть собой.

Интересно отметить, что свободные дети берутся за математику. Они получают удовольствие от географии и истории. Свободные дети отбирают из предлагаемых предметов только те, что им интересны. Свободные дети посвящают большую часть времени другим интересным занятиям – работе по дереву или металлу, рисованию, чтению художественной литературы, занятиям в любительском или импровизационном театре, слушанию джазовых пластинок.

Том – ему было 8 лет – имел обыкновение заглядывать ко мне и спрашивать: «Слушай, чем бы мне заняться?» Никто не советовал, что ему делать.

Шесть месяцев спустя Тома всегда можно было найти в его комнате – среди разложенных на полу листов бумаги. Он часами чертил географические карты. Однажды в Саммерхилл приехал профессор из Венского университета. Он случайно столкнулся с Томом и задал ему кучу вопросов. Позже этот профессор пришел ко мне и сказал: «Я попробовал проэкзаменовать этого паренька по географии, и он говорил о таких местах, о которых я никогда не слышал».

Но я должен упомянуть и о неудачах. Шведка Барбель, 15 лет, пробыла с нами около года. За все это время она не нашла никакого занятия, которое бы ее заинтересовало. Она поступила в Саммерхилл слишком поздно. На протяжении целых 10 лет ее жизни за нее все решали учителя. К тому времени, когда она приехала в Саммерхилл, она уже потеряла всякую инициативу. Ей было скучно. К счастью, она была богата и ее ждала жизнь светской дамы.

Еще у меня жили сестры из Югославии, 11 и 14 лет. Школа не сумела их заинтересовать. Большую часть времени они проводили, обмениваясь по-хорватски грубыми замечаниями в мой адрес. Один недобрый друг постоянно мне их переводил. Успех в данном случае был бы чудом, поскольку нас соединяли только искусство и музыка. Я был рад, когда мать приехала забрать их.

С годами мы убедились, что мальчики, которые увлекаются техникой, вовсе не беспокоятся о сдаче вступительных экзаменов в вузы. Они идут непосредственно в центры практического обучения. Нередко они склонны сначала посмотреть мир, только потом заняться университетской учебой. Один, например, совершил кругосветное плавание в качестве корабельного стюарда. Двое других отправились в Кению – сушить кофе. Третий поехал в Австралию, а четвертый – в далекую Британскую Гвиану.

Деррек Бойд – типичный пример страсти к приключениям, вдохновленный свободным образованием. Он поступил в Саммерхилл в 8 лет и ушел от нас, сдав вступительные университетские экзамены, в 18 лет. Он хотел стать врачом, но отец в то время не мог оплатить его

учебу в университете. Деррек решил использовать время ожидания, чтобы посмотреть мир. Он отправился в лондонский порт и провел там пару дней, пытаясь найти работу. Ему сказали, что многие настоящие моряки сидят без работы, и он, расстроенный, вернулся домой.

Вскоре школьный товарищ рассказал ему, что некая английская дама в Испании ищет шофера. Деррек ухватился за эту возможность, отправился в Испанию, там он то ли построил этой даме дом, то ли расширил уже существовавший, провез ее по всей Европе, а затем поступил в университет. Дама решила помочь ему с оплатой учебы. Через 2 года она предложила Дерреку взять годичный отпуск, отвезти ее в Кению и там построить ей дом. Деррек закончил свою учебу на врача в Кейптауне.

Ларри, который пришел к нам, когда ему было около 12 лет, сдал экзамены в университет в 16 и отправился на Таити выращивать фрукты. Решив, что за это платят слишком мало, он взялся водить такси. Потом он перебрался в Новую Зеландию, где, как я понимаю, делал всякую работу, в том числе снова водил такси. Потом он поступил в Брисбейнский университет. Некоторое время назад у меня был посетитель – декан этого университета, – который восторженно отозвался о Ларри. «Когда у нас были каникулы и студенты разъехались по домам, – сказал он, – Ларри пошел рабочим на лесопилку». Сейчас Ларри – практикующий врач в Эссексе.

Конечно, не все прежние ученики проявили подобную предприимчивость. По очевидным причинам я не могу их здесь описывать. Все наши успехи связаны с детьми из хороших семей. И у Деррека, и у Джека, и у Ларри родители полностью доверяли школе, так что перед мальчиками никогда не вставал ужасный вопрос: кто прав, родители или школа?

Вырастил ли Саммерхилл хоть одного гения? Нет, до сих пор гениев не отмечено, может быть, несколько творческих личностей, пока еще не добившихся известности, несколько ярких художников, несколько способных музыкантов, ни одного – насколько мне известно – успешного писателя, один прекрасный дизайнер мебели и интерьеров, несколько актеров и актрис, несколько ученых и математиков, которые еще могут сказать свое слово в науке. Думаю, что при нашем числе учеников – около 45 человек каждый год – немало тех, кто занимается какой-либо творческой или оригинальной работой.

Я, однако, не раз говорил, что одно поколение свободных детей не слишком убедительно для доказательств. Даже в Саммерхилле отдельные дети ругают себя за то, что не научились всему, чему могли бы. Иначе и не может быть в мире, где экзамены служат пропуском в некоторые профессии. И уж конечно, всегда рядом найдется какая-нибудь тетя Мэри, которая воскликнет: «Тебе уже 11, а ты читать как следует не умеешь!» И ребенок ясно ощущает, что весь окружающий мир против игры и за работу.

Если обобщить, то метод свободы срабатывает практически наверняка с детьми до 12 лет, но детям постарше нужно слишком много времени, чтобы оправиться от кормления знаниями с ложечки.

Личные уроки в Саммерхилле

Раньше я считал своей основной работой не преподавание, а личные уроки. Психологическое внимание необходимо большинству детей, но среди наших всегда находились только что пришедшие из других школ, и личные уроки были направлены на то, чтобы ускорить их адаптацию к свободе. **Если ребенок весь внутренне зажат, он не может сам приспособиться к состоянию свободы.**

Личные уроки – это неформальные разговоры у камина. Я усаживался у огня с трубкой в зубах, и ребенок, если хотел, тоже мог курить. Сигарета часто помогала сломать лед между нами.

Однажды я попросил четырнадцатилетнего мальчика зайти ко мне поговорить. Он только что перешел в Саммерхилл из вполне типичной закрытой частной школы. Я заметил, что его пальцы желты от никотина, поэтому достал свои сигареты и предложил ему закурить.

– Спасибо, – пробурчал он, – я не курю, сэр.

– Бери, бери, чертов враль, – сказал я, улыбаясь, и он взял.

Я одним махом убивал двух зайцев. В глазах этого мальчика директор школы – неумолимый моралист и блюститель дисциплины, которого надо постоянно обманывать. Предлагая ему сигарету, я показывал, что ничего не имею против его курения. Назвав его чертовым вралем, я заговорил с ним на его языке. В то же время я наносил удар по его представлению о людях, наделенных властью, показывая, что директор вполне может легко и весело выругаться. Ох, как бы мне хотелось сфотографировать его лицо во время этого первого интервью!

Из прежней школы его исключили за воровство.

– Я слышал, ты ловкий жулик, – сказал я. – Как лучше всего надуть железнодорожную компанию?

– Я никогда не пытался их обманывать, сэр.

– Э-э, так не годится. Ты должен попробовать. Я знаю массу способов, – и рассказал ему о нескольких.

Он разинул рот. Он попал в сумасшедший дом, это точно. Директор школы рассказывает ему, как половчее смошенничать. Годы спустя он признался мне, что этот разговор был самым большим потрясением в его жизни.

Каким детям нужны личные уроки? Лучшим ответом станут несколько примеров.

Люси, воспитательница дошкольной группы, сообщает мне, что Пегги выглядит очень несчастной и всех сторонится. Я предлагаю: «Ладно, скажи ей, пусть придет ко мне на личный урок». Пегги заявляется ко мне в гостиную.

– Я не хочу никакого личного урока, – говорит она, садясь. – Это глупость одна.

– Конечно, – соглашаюсь я. – Потеря времени. Мы не будем этого делать.

Она задумывается.

– Ладно, – медленно соглашается Пегги, – я не против, только чтобы один и совсем маленький.

К этому моменту она уже устроилась у меня на коленях. Я расспрашиваю ее о папе и маме, а особенно о маленьком братике. Она говорит, что он глупый как осел.

– Наверное, – соглашаюсь я. – Думаешь, мама любит его больше, чем тебя?

– Она любит нас одинаково, – быстро отвечает она и добавляет: – По крайней мере мама так говорит.

Иногда ощущение несчастья возникает из-за ссоры с другим ребенком. Но чаще всего причиной беды становится письмо из дома, в котором, например, говорится, что у брата или

сестры появилась новая кукла или велосипед. Личный урок кончается тем, что Пегги уходит вполне счастливой.

С новичками бывает труднее. Как-то к нам поступил одиннадцатилетний мальчик, которому рассказали, что детей приносит доктор. Потребовалось много труда, чтобы освободить мальчика от лжи и страхов, потому что, естественно, он испытывал чувство вины в связи с мастурбацией. Это чувство должно быть нейтрализовано, если мы хотим, чтобы ребенок обрел счастье.

Большинству маленьких детей регулярные личные уроки не нужны. Идеальное условие для их проведения – желание самого ребенка. На личных уроках иногда настаивают некоторые старшие дети, реже такое случается с младшими.

Шестнадцатилетний Чарли чувствовал себя неполноценным по сравнению с другими ребятами своего возраста. Я поинтересовался, в каких ситуациях он чувствует это особенно сильно, и Чарли ответил: во время купания, потому что его пенис гораздо меньше, чем у всех остальных. Я объяснил ему происхождение его беспокойства. Он рос младшим ребенком в семье, где было шесть дочерей, все гораздо старше. Между ним и самой младшей из сестер разрыв составлял десять лет. Семья была совершенно женская. Отец умер, и всем заправляли сестры. Чарли, естественно, идентифицировал себя с женщинами, что давало ему надежду в будущем тоже обрести власть над другими.

Примерно после десяти личных уроков Чарли перестал приходить ко мне. Я спросил его почему. «Они мне больше не нужны, – весело ответил он. – У меня теперь такой же большой прибор, как у Берта».

Однако наш краткий курс психотерапии вместил гораздо большее. Чарли внушили, что мастурбация сделает его импотентом, когда он станет взрослым, и страх импотенции повлиял на него физически. В его выздоровление внесли свой вклад и уничтожение комплекса вины, и разрушение дурацкой лжи об импотенции. Чарли покинул Саммерхилл год или два спустя. Сейчас это прекрасный, здоровый, счастливый мужчина, который непременно преуспеет в жизни.

У Сильвии строгий отец, который никогда ее не хвалит. Наоборот, он готов целыми днями придираться к ней. Единственным желанием девочки было добиться отцовской любви. Рассказывая свою историю, она горько плакала. В этом случае помочь труднее. Психоанализ дочери ведь не изменит отца. Сильвия не видела другого пути, кроме как дожидаться, когда она станет достаточно взрослой, чтобы уйти из родительского дома. Я предупредил ее об опасности выскочить замуж не за того человека, чтобы только сбежать от отца.

– Что значит «не за того»? – спросила она.

– За такого же, как твой отец, то есть за человека, который будет тебя мучить, как садист, – ответил я.

Случай Сильвии печален. В Саммерхилле она была дружелюбной, общительной девочкой, которая никогда никого не обижала. Но дома, как рассказывали, она становилась сущей мегерой. Не оставалось сомнений, что в психоанализе нуждается отец, а не дочь.

Другой неразрешимый случай – маленькая Флоренс. Она была незаконнорожденной и не знала об этом. Мой опыт позволяет утверждать, что всякий незаконнорожденный ребенок подсознательно знает об этом. Флоренс, несомненно, понимала, что за ней стоит какая-то тайна. Я сказал ее матери, что единственный способ излечить ее дочь – сказать правду.

– Нет, Нилл, я не посмею. Для меня-то это ничего не изменит. Но если я скажу правду Флоренс, она не сохранит ее в тайне и мать вычеркнет мою дочь из завещания.

– Ну-ну, значит, нам придется подождать бабушкиной смерти, прежде чем мы начнем помогать Флоренс. Вы ничего не сможете сделать, если вам приходится скрывать какую-то жизненно важную правду.

Один наш бывший ученик – ему было тогда уже 20 лет – приехал в Саммерхилл погостить и попросил меня о нескольких личных уроках.

– Но у нас с тобой их были десятки, когда ты жил здесь, – сказал я.

– Да, я помню, – сказал он печально. – Их были десятки, и я не слишком-то серьезно к ним относился, но сегодня я на самом деле чувствую, что они мне нужны.

Сейчас я уже не занимаюсь психотерапией регулярно. Обычно, когда ты прояснил для ребенка проблемы рождения и мастурбации и показал, как семейная ситуация породила его неприязнь, зависть и страхи, тебе больше ничего не надо делать. Чтобы излечить детский невроз, надо высвободить чувства ребенка, а изложение разных психиатрических концепций или рассказ о его комплексах нисколько не помогают лечению.

Я вспоминаю одного пятнадцатилетнего мальчика, которому я пытался помочь. Неделями он молча сидел на наших личных уроках, отделяясь односложными ответами. Я решил использовать сильнодействующее средство и во время следующего урока огорошил его:

– Что я думал о тебе сегодня утром? Ты ленивый, упрямый, тщеславный, злобный придурок.

– Значит, так, да? – Он аж покраснел от злости. – А ты-то сам тогда кто?

С этого момента он начал говорить – легко и по делу.

Потом был одиннадцатилетний Джордж. Его отец занимался мелкой торговлей в деревне близ Глазго. Мальчика направил ко мне врач. Проблема Джорджа заключалась в ужасном страхе. Он боялся находиться вне дома, даже если речь шла о деревенской школе. Когда ему надо было уйти из дома, он рыдал от ужаса. С огромным трудом отец сумел привезти его в Саммерхилл. Он плакал и цеплялся за отца так, что тот не мог уехать домой. Я предложил отцу побыть у нас несколько дней.

Я уже знал историю мальчика от его доктора, чьи комментарии, на мой взгляд, были и точны, и очень полезны. Вопрос о возвращении отца домой становился все более актуальным. Я попытался поговорить с Джорджем, но он плакал и скулил, что хочет домой. «Это просто тюрьма», – всхлипывал он. Я продолжал, игнорируя его слезы.

– Когда тебе было четыре года, – сказал я, – твоего маленького брата увезли в больницу и привезли обратно в гробу. (Всхлипывания усилились.) Ты боишься быть вдали от дома, потому что думаешь, что то же самое может случиться с тобой – ты вернешься домой в гробу. (Громкое рыдание.) Но не в этом дело, Джордж, дружище, главное – не в этом, ведь это ты убил своего брата!

Тут он резко запротестовал и пригрозил ударить меня.

– Ты не на самом деле убил его, Джордж, ты думал, что мама любит его больше, чем тебя, и порой тебе хотелось, чтобы он умер. А когда он и вправду умер, ты почувствовал себя ужасно виноватым, потому что решил, что это твои желания убили его и Бог накажет тебя в наказание за твою вину, если ты уйдешь из дома.

Рыдания прекратились. На следующий день он все же дал отцу уехать домой, хотя и устроил на вокзале сцену.

Еще какое-то время Джордж не мог справиться со своей тоской по дому. Однако через полтора года он настоял на том, что сам поедет домой на каникулы – один, совершенно самостоятельно, с пересадками, через весь Лондон. Он проделал то же самое, возвращаясь после каникул в Саммерхилл.

Я все больше убеждаюсь в том, что, если дети имеют возможность изжить свои комплексы в условиях свободы, в терапии нет необходимости. Но в таких случаях, как с Джорджем, одной свободы оказывается недостаточно.

Мне не раз приходилось давать личные уроки вора́м, и я видел, как они исправлялись, но были у меня и воришки, которые отказывались от этих уроков. Тем не менее через три года свободы исправлялись и эти мальчики.

Исправляют и излечивают в Саммерхилле любовь, приятие и свобода быть самим собой. Очень небольшая часть из наших 45 детей нуждается в личных уроках. Я все сильнее верю в терапевтическое действие творческой работы. Я бы хотел, чтобы дети побольше мастерили, танцевали, играли в театр.

Я давал личные уроки только для того, чтобы освободить чувства, – хотелось бы, чтобы это было вполне ясно понято. Если ребенок чувствовал себя несчастным, я давал ему личный урок. Но если он не мог научиться читать или ненавидел математику, я не пытался излечить его с помощью психоанализа. Иногда по ходу личных уроков обнаруживалось, что неспособность научиться читать выросла из постоянных маминых напоминаний, что надо быть «хорошим, умным мальчиком, таким, как твой братик», или что ненависть к математике происходит из неприязни к предыдущему учителю математики.

Естественно, что для всех детей я являюсь символом отца, а моя жена – символом матери. В смысле общения моей жене живется хуже, чем мне, потому что ей достается вся неосознанная ненависть девочек к матерям – они переносят эту ненависть на нее, в то время как я пользуюсь их любовью. Мальчики переносят на мою жену свою любовь к матерям, а на меня – свою подсознательную ненависть к отцам. Мальчики не так открыто выражают чувства, как девочки. Полагаю, причина в том, что им гораздо легче взаимодействовать с разными неодушевленными предметами, чем с людьми. Рассерженный мальчик бьет по мячу, тогда как девочка хлещет злыми словами символ матери.

Справедливости ради я должен заметить, что девочки злы и тяжелы в общении только в определенный период – в предпоздковом и в самом начале подросткового. И кроме того, необязательно все девочки проходят эту стадию. Много зависит от предыдущей школы и еще большее – от степени властности матери.

Во время личных уроков я всегда показывал ребенку, как связаны его реакции на семью и на школу. Всякую критику в мой адрес я интерпретировал как критику отца, любое обвинение, брошенное моей жене, – как направленное против матери. Я старался сохранять объективность анализа; вторжение в глубины субъективного было бы нечестно по отношению к детям.

Случалось, конечно, что субъективное объяснение оказывалось необходимым, как, например, в случае с тринадцатилетней Джейн. Она бродила по школе и сообщала разным детям, что Нилл хочет их видеть.

Ко мне валом валил народ: «Джейн передала, что я тебе нужен». Тогда я сказал Джейн, что, когда она посылает ко мне других, это означает, что она сама хочет прийти.

Какова методика личных уроков? В общем, никакого стандартного вопросника у меня не было. Иногда я начинал так: «Когда ты смотришь в зеркало, тебе нравится твое лицо?» Ответ всегда был отрицательный.

– Какую часть своего лица ты больше всего ненавидишь?

Неизбежно раздавалось: «Нос!»

Взрослые дают такой же ответ. Лицо – это и есть человек, на взгляд внешнего мира. Мы думаем о лицах, когда думаем о людях, и смотрим в лица, когда говорим с людьми. Так что лицо становится внешним отражением нашей внутренней сущности. Когда ребенок говорит, что ему не нравится его лицо, это значит – он сам себе не нравится. Мой следующий шаг – перейти от лица к личности.

– Что ты больше всего ненавидишь в себе? – спрашивал я.

Ответ, как правило, указывал на физические недостатки: «У меня слишком большие ноги. Я слишком толстый. Я чересчур маленький. Мои волосы».

Я никогда не высказывал никакого мнения, т. е. не соглашался, что он толстый или она тощая. И ни на что не напирал. Если ребенка интересовало тело, мы говорили об этом до тех пор, пока тема не исчерпывалась. А затем переходили к личности.

Частенько я как бы проводил экзамен. «Я сейчас напишу тут кое-что, а потом проэкзаменую тебя по этим пунктам, – говорил я. – Поставь себе по каждому из них оценку, которую, на твой взгляд, ты заслуживаешь. Например, я тебя спрошу, сколько процентов из ста ты бы себе дал, скажем, за участие в играх или за храбрость, и т. д.». И экзамен начинался.

Вот, например, как он проходил с одним четырнадцатилетним мальчиком.

– Хорошая внешность. – Ну, нет, не такая уж хорошая. Процентом 45.

– Мозги. – Хм, ну, 60.

– Храбрость. – 25.

– Верность. – Я не предаю своих друзей. 80.

– Музыкальность. – Ноль.

– Ручной труд. – (Бормочет что-то невнятное.)

– Ненависть. – Это очень трудно. Нет, на это я не могу ответить.

– Игры. – 66.

– Общительность. – 90.

– Идиотизм. – Ха, процентов 190.

Естественно, ответы ребенка открывали возможность для обсуждения. Я считал, что лучше всего начинать с «я», если это вызывает интерес. Когда мы переходили к семье, ребенок разговаривал легко и с интересом.

С маленькими детьми методика бывала более спонтанной. Я шел вслед за ребенком. Вот пример типичного первого личного урока – с шестилетней Маргарет. Она заходит ко мне и говорит:

– Я хочу личный урок.

– Хорошо, – соглашаюсь я.

Она усаживается в удобное кресло.

– А что такое личный урок?

– Вообще-то это не то, что едят, – объясняю я, – но где-то в этом кармане у меня была карамелька. А, вот она. – И я протягиваю ей конфетку. – Почему ты хочешь личный урок? – спрашиваю я.

– А у Эвелин он уже был, и я тоже хочу.

– Ладно. Начинай ты. О чем ты хочешь поговорить?

– У меня есть кукла. (Пауза.) Где ты взял эту штуку на каминной доске? (Ей совершенно не нужен ответ.) Кто жил в этом доме до тебя?

Ее вопросы указывали на желание узнать какую-то жизненно важную правду, и я заподозрил, что это правда о том, откуда берутся дети.

– Откуда берутся дети? – спрашиваю я неожиданно.

Маргарет встает и шагает к двери.

– Ненавижу личные уроки, – объявляет она и выходит.

Однако спустя несколько дней она снова просит дать ей личный урок – и так мы продвигаемся.

Шестилетний малыш Томми тоже ничего не имел против личных уроков до тех пор, пока я воздерживался от упоминания о «грязных» вещах. С трех первых уроков он уходил возмущенный, и я знал почему. Я знал, что на самом-то деле только «грязные» вещи его и интересовали. Он был одной из жертв запрета на мастурбацию.

Многие дети никогда не бывали на личных уроках. Они не хотели. Этих детей воспитывали правильно, без лжи и нотаций родителей.

Психотерапия вылечивает не сразу. Какое-то время – обычно около года – изменений почти не видно. Поэтому я никогда не испытывал пессимизма по отношению к старшим ученикам, которые уходили из школы в состоянии, так сказать, психологически полуготовом.

Тома отправили к нам, потому что в своей прежней школе он потерпел неудачу. Целый год я интенсивно давал ему личные уроки, но никаких видимых результатов не было. Когда Том уходил из Саммерхилла, то выглядел так, как будто он обречен быть неудачником. Но еще через год его родители написали мне, что Том внезапно решил стать врачом и усердно учиться в университете.

Положение Билла казалось еще более безнадежным. Его личные уроки продолжались три года. Когда Билл уходил из школы, то выглядел как человек 18 лет, не нашедший пока цели в жизни. Прошло еще чуть больше года. Билл бросал одну работу за другой, пока не решился стать фермером. Все, что я о нем слышал, свидетельствует: он процветает и одержим работой.

Личные уроки – это, по сути, перевоспитание. Их цель – снять комплексы, созданные нравочучениями и утрашениями.

Свободная школа типа Саммерхилла может существовать и без личных уроков. Они лишь помогают ускорить процесс перевоспитания, они как хорошая весенняя генеральная уборка перед вступлением в лето свободы.

Самоуправление

Саммерхилл – самоуправляющаяся школа, демократическая по форме. Все вопросы, связанные с общественной жизнью школы, включая наказания за нарушения установленных правил, решаются голосованием на общих собраниях школы в субботу вечером.

Каждый член педагогического коллектива и каждый ученик – независимо от возраста – имеют по одному голосу. Мой голос значит столько же, сколько голос семилетнего ребенка.

Здесь кто-нибудь улыбнется и скажет: «Но ваш голос все же имеет большее значение, ведь правда?» Что ж, давайте посмотрим. Однажды на собрании я внес предложение, чтобы никому из учеников моложе 16 лет не было позволено курить. Я аргументировал свое предложение так: курение – прием ядовитого наркотика, на самом деле никакой привлекательности для детей это занятие не имеет, просто они пытаются казаться более взрослыми. В меня полетели контраргументы. Провели голосование. Мое предложение было провалено подавляющим большинством голосов.

Стоит рассказать и о том, что за этим последовало. После моего поражения один из шестнадцатилетних учеников предложил, чтобы курение было запрещено всем, кто младше 12 лет. Он отстоял свое предложение. Однако через неделю на следующем собрании двенадцатилетний мальчик предложил отменить новое правило, пояснив: «Мы все сидим по туалетам и курим втихомолку, как это делает малышня в строгих школах. Я считаю, что это противоречит самой идее Саммерхилла». Его речь была встречена аплодисментами, и собрание отменило правило. Надеюсь, я ясно показал, что мой голос отнюдь не всегда весомее голоса ребенка.

Однажды я решительно выступил против нарушений правил отбоя, шума в спальнях после установленного часа и как следствие сонных физиономий повсюду на следующее утро. Я предложил, чтобы нарушителям назначался штраф в размере всех их карманных денег за каждый такой случай. Один четырнадцатилетний мальчик предложил выплачивать награду в размере один пенс за каждый час, проведенный не в постели после времени отбоя. В этот раз я получил всего несколько голосов, а он – подавляющее большинство.

Самоуправлению в Саммерхилле чужд бюрократизм. Председатель на каждом собрании – новый, его назначает предыдущий, а обязанности секретаря выполняют добровольцы. Дежурные по отбою редко тянут эту лямку дольше нескольких недель.

Наша демократия создает законы, среди которых немало хороших. Например, запрещается купаться в море в отсутствие спасателей, функции которых всегда исполняют педагоги. Запрещается лазить по крышам. Отбой должен соблюдаться, а нарушители неукоснительно штрафуются. Следует или не следует отменять уроки в четверг или в пятницу накануне праздника, решается голосованием на общем собрании школы.

Успех собрания в большой мере зависит от того, кто председательствует – волевой или слабовольный, потому что удерживать порядок на собрании, в котором участвуют 45 энергичных ребят, – нелегкая задача. Председатель имеет право штрафовать особенно расшумевшихся граждан. Чем слабее председатель, тем чаще штрафы.

Персонал, конечно, тоже участвует в обсуждениях. Принимаю в них участие и я, хотя встречаются ситуации, в которых я должен сохранять нейтралитет. Так, однажды парень, обвиненный в некоем нарушении, был полностью оправдан собранием на основании представленного им алиби, хотя до того он по секрету признался мне в том, что совершил это нарушение. В подобных случаях я обязан быть на стороне ребенка.

Я, конечно, участвую в собраниях наравне со всеми, когда дело касается голосования по какому-либо вопросу или моих собственных предложений. Вот типичный пример. Однажды я поставил вопрос о том, следует ли играть в футбол в холле. Холл находится под моим кабинетом, и я объяснил, что мне не нравится, когда шум игры мешает мне работать. Я предло-

жил запретить футбол в помещении. Меня поддержали несколько девочек, несколько старших мальчиков и большинство сотрудников. Однако мое предложение не прошло, и это означало, что я должен был и дальше терпеть шумное шарканье под моим кабинетом. Наконец после широкого обсуждения на нескольких собраниях я добился одобренного большинством голосов запрета на игру в футбол в холле. **И это обычный способ, которым меньшинство в нашей школьной демократии добивается своих прав, – оно настойчиво их требует.** Это касается малышей в такой же мере, как и взрослых.

Однако на некоторые аспекты школьной жизни самоуправление не распространяется. Моя жена принимает все решения по устройству спален, составляет меню, рассылает и оплачивает счета. Я нанимаю учителей или прошу их покинуть нас, если считаю, что они почему-либо не подходят.

В задачи самоуправления в Саммерхилле входит не только принятие законов, но и обсуждение различных социальных аспектов жизни сообщества. В начале каждого семестра голосованием принимаются правила отхода ко сну. Каждый отправляется в постель согласно своему возрасту. Затем решаются всякие общие вопросы. Должны быть выбраны спортивные комитеты, комитет по подготовке танцевального вечера к окончанию семестра, театральный комитет, дежурные по отбою и дежурные по прогулкам в город, которые обязаны докладывать о всех случаях неподобающего поведения за пределами школьной территории.

Самый захватывающий из всех обсуждаемых – вопрос о еде. Не раз мне удавалось разбудить заснувшее собрание, предложив, например, отменить вторые блюда. Малейшие признаки «кухонного фаворитизма» сурово пресекаются. Но когда кухня ставит вопрос о пище, пропадающей попусту, собрание не проявляет особого интереса. У детей отношение к еде очень личное и эгоистическое.

На общих собраниях не допускаются никакие теоретические дискуссии. **Дети поразительно практичны, и теории им скучны. Конкретность им гораздо больше по душе, чем абстракции.** Я однажды предложил ввести закон, запрещающий сквернословие, и представил свои соображения. Я рассказал о женщине с маленьким сыном – потенциальным учеником Саммерхилла. Они стояли в холле, и вдруг сверху прозвучало чрезвычайно крепкое словцо. Мать с негодованием подхватила сына и немедленно уехала. «Почему, – спросил я на собрании, – мои доходы должны страдать из-за какого-то тупицы, который сквернословит на виду у родителей будущих учеников? Это вовсе не нравственный вопрос, а чисто финансовый. Вы бранитесь, а я теряю учеников».

Мне ответил четырнадцатилетний парень. «Нилл мелет вздор, – сказал он. – Очевидно же, что раз эта женщина была шокирована, значит, она не верит в Саммерхилл. Если бы даже она и записала своего парня, она бы его сразу забрала отсюда, как только он приехал домой и сказал «черт!». Собрание согласилось с ним, и мое предложение провалилось».

Общему собранию школы часто приходится разбираться с теми, кто задирается и обижает товарищей. Наше сообщество относится к этому довольно строго, и я даже видел, что кто-то подчеркнул закон школьного правительства о приставаниях, повесив на доске объявлений: «Все предупрежденные будут сурово наказываться». Однако в Саммерхилле приставание не так распространено, как в строгих школах, и причину назвать нетрудно. **Под дисциплинирующим давлением взрослых ребенок становится ненавистником. Поскольку он не может безнаказанно выразить свою ненависть к взрослым, он вымещает ее на тех, кто младше или слабее.** Такое редко случается в Саммерхилле. Когда кого-нибудь обвиняют в приставании, часто выясняется, что просто Дженни назвала Пегги ненормальным.

Иногда на общее собрание школы выносятся вопросы о воровстве. Воровство никогда не наказывается, но украденное всегда должно быть возмещено. Нередко случается, что дети приходят ко мне и говорят: «Джон стащил несколько монет у Дэвида. Это психологическая проблема или нам выносить ее на собрание?»

Если я считаю случившееся психологической проблемой, требующей индивидуального внимания, я прошу, чтобы дети предоставили мне ее разрешение. Когда виновник нормальный, счастливый ребенок, укравший какую-то ерунду, я разрешаю выдвинуть против него обвинение. Худшее, что может с ним случиться, – его лишат всех карманных денег, пока долг не будет выплачен.

Как проводятся общие собрания школы? В начале каждого семестра выбирается председатель только для одного – первого – собрания. В конце собрания он назначает преемника. Так происходит на протяжении всего семестра. Любой обиженный или желающий выдвинуть обвинение, имеющий предложение или проект нового закона, волен вынести это на обсуждение. Вот типичный пример: Джим взял педали с велосипеда, принадлежащего Джеку, потому что его собственный велосипед был не в порядке, а он хотел в выходные дни поехать покататься вместе с другими мальчиками. После тщательного рассмотрения всех обстоятельств собрание решает, что Джим должен поставить педали на место и что ему запрещается ехать на эту прогулку.

Председатель спрашивает: «Есть ли возражения?»

Джим вскакивает и кричит, что хорошенькое, мол, дельце они придумали! Только он использует прилагательное посильнее. «Это несправедливо, – возмущается он. – Я в жизни не видел, чтобы Джек когда-нибудь ездил на этом битом велосипеде. Он уже сколько дней валяется в кустах. Я не против, я поставлю педали назад, но наказание несправедливое. Я не согласен, что меня надо лишить этой поездки».

Последовала живая дискуссия. В процессе обсуждения выясняется, что Джим обычно получает из дома деньги на карманные расходы еженедельно, но вот уже 6 недель деньги не приходят, и у него нет ни гроша. Собрание голосует за отмену приговора, что и выполняется.

Но как помочь Джиму? В конце концов принимается решение собрать по подписке деньги, чтобы привести в порядок его велосипед. Школьные друзья помогают Джиму купить педали для своего велосипеда, и, счастливый, он отправляется в желанную поездку.

Обычно нарушитель признает решение школьного собрания. Однако если приговор для него неприемлем, обвиняемый может его обжаловать, и тогда председатель снова поставит вопрос на обсуждение в конце собрания. В подобных случаях дело рассматривается особенно тщательно, и обычно приговор смягчается ввиду несогласия обвиняемого⁸. Дети понимают: если обвиняемый считает наказание несправедливым, то весьма возможно, что так оно и есть.

Никогда и никто из нарушителей в Саммерхилле не проявлял пренебрежения или неприязни к власти своих товарищей. Я всегда поражаюсь тому пониманию, которое выказывают наши ученики в случае наказания.

В один из семестров четверо старших мальчиков были обвинены перед общим собранием школы в том, что они недопустимо вели себя – продавали разные предметы из своего гардероба. Закон, запрещающий это делать, был принят на том основании, что такое поведение несправедливо по отношению как к родителям, которые покупают одежду, так и к школе: если дети возвращаются домой и каких-то вещей недостает, родители обвиняют школу в недосмотре. Наказанием для нарушителей стали запрет покидать территорию школы в течение 4 дней и обязанность все эти дни отправляться в постель в 8 часов. Они приняли приговор безропотно. В понедельник вечером, когда все отправились в город смотреть фильм, я обнаружил Дика, одного из этой четверки преступников, в постели с книгой.

– Ну и дурень же ты, – сказал я. – Все ушли в кино. Почему ты лежишь?

– Это совсем не смешно, – ответил он.

⁸ Здесь имеет смысл упомянуть, что по-английски обвиняемый – «defendant», т. е. тот, кто защищается. Это существенно изменяет психологическую атмосферу обсуждения.

Верность учеников Саммерхилла своей демократии поразительна. В ней нет страха и обид. Мне приходилось видеть, как ребята проходят через долгие разбирательства в связи с каким-нибудь антиобщественным поступком и как они ведут себя, выслушав приговор. Нередко мальчик, которому только что вынесен приговор, назначается председателем следующего собрания.

Чувство справедливости, свойственное детям, никогда не переставало меня удивлять. Велики и их административные способности. В педагогическом смысле самоуправление бесконечно ценно.

Определенные виды нарушения автоматически подпадают под правила о штрафах. Если ты взял без спроса чужой велосипед, штраф составляет 6 пенсов. Нельзя сквернословить в городе (но на территории школы можно браниться сколько влезет), плохо вести себя в кино, лазить по крышам, бросаться едой в столовой – эти нарушения автоматически влекут за собой штрафы.

Наказания – почти всегда штрафы: лишение карманных денег на неделю или пропуск кино.

Наиболее частое возражение, которое приходится слышать по поводу предоставления детям роли судей, – они наказывают слишком строго. Я так не считаю. Напротив, они очень снисходительны. Ни разу в Саммерхилле не было назначено никакого сурового наказания. И наказание всегда имеет определенную связь с проступком.

Три маленькие девочки мешали спать другим. Наказание: они должны отправляться в постель на час раньше остальных в течение недели. Двое мальчиков кидались землей в других. Наказание: они должны натаскать земли, чтобы выровнять хоккейное поле.

Нередко председатель объявляет: «Дело слишком дурацкое, чтобы его обсуждать», – и единолично решает, что по этому поводу ничего делать не следует.

Когда нашего секретаря⁹ судили за то, что он взял без спроса велосипед Джинджер, ему и еще двоим сотрудникам, которые тоже проехали на этом велосипеде, было назначено протолкать друг друга на этом самом велосипеде вокруг центральной клумбы по 10 раз.

Четверым малышам, залезшим на лестницу, принадлежавшую рабочим, которые строили новую мастерскую, было назначено лазить по этой лестнице вверх и вниз ровно по 10 минут.

Собрание никогда не ищет совета у взрослых. Я припоминаю лишь один случай, когда это произошло. Три девочки совершили набег на кухонную кладовку. Собрание оштрафовало их на карманные деньги. Они повторили набег в тот же вечер, и собрание лишило их кино. Они сделали это снова, и собрание пришло в растерянность. Председатель пришел ко мне посоветоваться.

– Дайте каждой в награду 2 пенса, – предложил я.

– Что?! Да ты что, вся школа начнет грабить кладовку, если мы так сделаем.

– Не начнет, – сказал я. – Попробуй.

Он попробовал. Две девочки отказались взять деньги, и все три сказали, что больше никогда не полезут в кладовку. И не лазили – месяца два.

Высокомерное, самодовольное поведение на собраниях – редкость. Любое проявление самодовольства встречается неодобрительно. Так, один мальчик, 11 лет, очень любивший быть на виду, повадился подниматься на собраниях и привлекать к себе внимание, делая длинные запутанные замечания, явно не относящиеся к делу. Во всяком случае, он пытался их делать, но собрание шикало на него. У юных острейший нюх на неискренность.

Я полагаю, что практика Саммерхилла доказывает работоспособность самоуправления. Действительно, школа, в которой нет самоуправления, не вправе называться прогрессивной.

⁹ Имеется в виду сотрудник Нилла, взрослый.

Это лишь компромиссная школа. У вас не может быть свободы, если только дети не чувствуют, что они вполне свободны управлять своей собственно общественной жизнью. **Где есть начальник, там нет свободы. И трудно сказать, кто хуже – доброжелательный начальник или авторитарный.** Ребенок с характером может восстать против сурового начальника, но мягкий начальник делает ребенка беспомощно-податливым и не уверенным в своих истинных чувствах.

Хорошее самоуправление возможно в школе только тогда, когда в ней есть хотя бы горстка старших учеников, которые предпочитают спокойную жизнь и противостоят пассивности или оппозиции ребят бандитского возраста. Эти старшие часто проигрывают при голосовании, но именно они действительно верят в самоуправление и хотят его. В то же время дети младше, скажем, 12 лет не смогут успешно осуществлять самоуправление, потому что еще не достигли необходимого общественно-ответственного возраста. И все же в Саммерхилле даже семилетки редко пропускают общие собрания школы.

Однажды весной у нас прошла полоса неудач. Несколько серьезных выпускников сдали вступительные экзамены в колледжи и уехали, так что в школе осталось совсем мало старших учеников. Подавляющее большинство составляли ребята, находившиеся в самом бандитском возрасте и на соответствующей стадии социального развития. И хотя на словах они были вполне разумны, им просто не хватало взрослости, чтобы управлять сообществом. Они готовы были принять любые законы, чтобы тут же забыть о них или нарушить. Те немногие старшие ребята, которые оставались в школе, были, так уж случилось, довольно индивидуалистичны и склонны жить своей собственной жизнью в своей собственной группе, так что среди тех, кто выступал против нарушений школьных правил, сотрудники стали фигурировать слишком часто. Дошло до того, что я почувствовал необходимость на общем собрании школы выступить с обвинениями в адрес старших за их не то чтобы антиобщественное, но асоциальное поведение, нарушение правил отбоя (они засиживались допоздна) и равнодушие к антиобщественному поведению младших.

По правде говоря, младшие дети мало интересуются самоуправлением. Если их предоставить самим себе, то я не знаю, сформировали бы они правительство или нет. Их ценности не такие, как наши, и их образ жизни тоже другой.

Неукоснительная дисциплина – самый простой способ для взрослых добиться тишины и покоя. Строевым сержантом может быть любой. Я не знаю никакого другого метода обеспечить себе спокойную жизнь. Наш путь проб и ошибок, пройденный в Саммерхилле, безусловно, не предоставил взрослым тихой жизни. Но и жизнь детей он не сделал сверхшумной. Возможно, главный критерий оценки – счастье. Если судить по этому критерию, то Саммерхилл нашел превосходный компромисс в самоуправлении.

Наш закон против опасного оружия тоже компромисс. Пневматические ружья запрещены. Тем немногим мальчикам, которым уж очень хочется иметь пневматические ружья в школе, не нравится этот закон, но в основном они соблюдают его. **Когда дети остаются в проигравшем меньшинстве, они в отличие от взрослых, похоже, не столь сильно это переживают.**

В Саммерхилле существует одна вечная проблема, которая и не может быть никогда решена; ее можно сформулировать как противоречие между личностью и сообществом. И сотрудники, и ученики ужасно сердились, когда ватага маленьких девочек, предводительствуемая одной заводилой, докучала всем, брызгалась водой, нарушала правила отбоя, – в общем, превратилась для всех в постоянный источник беспокойства. Общее собрание обрушилось на Джин, предводительницу. Использование ею свободы в качестве лицензии на безобразия было осуждено решительно.

Одна посетительница, психолог, сказала мне: «Это все совершенно неправильно. У девочки такое несчастное лицо, ее никто никогда не любил, и вся эта открытая критика заставляет ее чувствовать, что ее не любят еще сильнее, чем когда-либо прежде. Ей нужна любовь, а не противостояние».

– Милая дама, – возразил я, – мы пробовали изменить ее любовью. На протяжении многих недель мы вознаграждали ее антиобщественное поведение. Мы проявляли по отношению к ней любовь и терпимость, но она никак на это не реагировала. Вернее, она смотрела на нас как на простаков, легкую мишень для ее агрессивности. Мы не можем принести все сообщество в жертву одному человеку.

Окончательный ответ мне неизвестен. Я знаю, что, когда Джин исполнится 15 лет, она будет хорошей, общительной девочкой, а не предводительницей шайки разбойников. Моя уверенность основывается на силе общественного мнения. Ни один ребенок не станет годами жить в нелюбви и суровой критике. Что же касается осуждения на общем собрании, то просто нельзя жертвовать другими детьми ради одного трудного ребенка.

Однажды у нас жил шестилетний мальчик, судьба которого до поступления в Саммерхилл была довольно печальна. Это был жестокий задира и разрушитель, исполненный ненависти. Четырех- и пятилетние дети страдали и плакали. Сообщество должно было что-то сделать, чтобы защитить их, и это «что-то» следовало направить на забияку. Нельзя было позволить, чтобы за ошибки, совершенные родителями, расплачивались другие дети, чьи мамы и папы сумели дать им и любовь, и заботу.

На моей памяти очень немного случаев, когда приходилось отправлять ребенка из Саммерхилла, потому что из-за него школа превращалась в ад для других детей. Я говорю об этих случаях с сожалением, со смутным ощущением провала, но я не сумел найти другого решения.

Изменились ли мои взгляды на самоуправление за эти долгие годы? В целом нет. Я не могу себе представить Саммерхилл без него. Оно всегда имело успех. Это наша визитная карточка для посетителей, что имеет, однако, и свою оборотную сторону – однажды четырнадцатилетняя девочка шепнула мне на собрании: «Я думала поднять вопрос о том, что девочки забивают унитазы, спуская в них гигиенические пакеты, но взгляни на всех этих гостей!» Я посоветовал ей послать гостей к черту и поднять вопрос – что она и сделала.

Невозможно переоценить образовательную ценность такой практической гражданственности. Ученики Саммерхилла будут бороться до конца за свое право самоуправления. На мой взгляд, единственное еженедельное общее собрание школы имеет большую ценность, чем вся недельная порция школьных предметов. Это превосходные подмости для практики в публичных выступлениях, и большинство детей выступают хорошо и без самолюбования. Я не раз слышал очень толковые речи от детей, не умевших ни читать, ни писать.

Я не вижу альтернативы нашей саммерхиллской демократии. Это более справедливая демократия, чем та, которую создают политики, потому что дети довольно снисходительны друг к другу и не имеют имущественных интересов, которые бы они отстаивали. Кроме того, это и более искренняя демократия, поскольку законы принимаются на открытых собраниях и у нас нет проблемы делегатов, которые, будучи избраны, становятся недостижимы для контроля.

В итоге самоуправление так важно, потому что посредством него свободные дети приобретают широту взгляда на мир. Их законы имеют дело с сущностями, а не с видимостями. Законы, регулирующие поведение в городе, например, являются компромиссом с менее свободной цивилизацией. «Город» – внешний мир – растрчивает свои драгоценные силы на беспокойство по пустякам. Как будто по большому счету для жизни хоть какое-то значение имеет, нарядно ли ты одет, чертыхаешься или нет. Саммерхилл, отстраняясь от глупостей внешней жизни, может иметь и имеет сильное сообщество, обогнавшее свое время.

Конечно, плохо называть автомобиль чертовой тачкой, однако любой шофер вам скажет – если по совести, – что он и есть не что иное, как чертова тачка.

Совместное обучение

В большинстве школ-интернатов существуют определенные способы разделения мальчиков и девочек, особенно это касается спальных помещений. Любовные отношения не поощряются. Не поощряются они и в Саммерхилле, однако и не запрещаются.

В Саммерхилле и девочек, и мальчиков оставляют в покое. И отношения между полами оказываются очень здоровыми. Никто здесь не вырастает с иллюзиями или заблуждениями в отношении другого пола. И дело не в том, что Саммерхилл – это как бы одна большая семья, где одни только милые маленькие мальчики и девочки и все они – братья и сестры. Если бы это было так, я бы немедленно стал яростным противником совместного обучения.

При подлинно совместном обучении, а не таком, при котором мальчики и девочки только сидят вместе за партами в классе, но живут и спят в разных зданиях, практически исчезает нездоровое любопытство друг к другу. В Саммерхилле никто не подглядывает в замочную скважину. Здесь гораздо меньше беспокойства по поводу секса, чем в других школах.

Но время от времени у нас обязательно появляется какой-нибудь взрослый, который спрашивает: «И что, разве они все не спят друг с другом?» А когда я отвечаю, что нет, не спят, он(она) восклицает: «Но почему? В их возрасте я бы чертовски хорошо проводил(а) время!»

Такого типа люди полагают, что, если мальчики и девочки обучаются вместе, они обязательно должны предаваться сексуальным вольностям. Надо сказать, люди подобного склада никогда не признают, что именно эта мысль лежит в основе их возражений против совместного обучения. Они предпочитают рассуждать о том, что мальчики и девочки не должны обучаться вместе, поскольку они различаются по способностям к учебе.

Школьное образование должно быть совместным, потому что жизнь совместна. Однако многие родители и педагоги боятся совместного обучения, потому что боятся беременностей. Я даже слышал про директоров совместных школ, которые не могут уснуть по ночам от страха, что подобное может случиться.

Дети обоих полов, растущие отдельно, часто оказываются не способны любить. Это может порадовать тех, кто боится секса, но для юношества в целом неспособность любить – огромная человеческая трагедия.

Когда я спросил нескольких подростков из одной знаменитой частной школы с совместным обучением, есть ли у них в школе любовные связи, ответ был: нет. Я выразил свое удивление и в ответ услышал: «Иногда у нас бывает, что мальчик дружит с девочкой, но любовных связей нет». Поскольку я уже заметил на территории школы нескольких красивых парней и хорошеньких девушек, то понял, что школа навязывает своим ученикам идеал антилюбви, а ее высоконравственная атмосфера исключает секс.

Однажды я спросил директора одной прогрессивной школы: «Случаются у вас в школе любовные связи?» – «Нет, – ответил он с важностью, – мы ведь не берем трудных детей».

Противники совместного обучения могут возразить, что оно делает мальчиков женоподобными, а девочек – мужеподобными. За всякими рассуждениями такого рода лежат якобы нравственные соображения, а на самом деле – завистливые страхи. Исполненный любви секс – величайшее наслаждение в мире, и именно поэтому его стараются подавлять. Все остальное – отговорки.

Причина, по которой я не боюсь, что старшие ученики Саммерхилла, живущие здесь с раннего детства, окажутся в любовной связи, проста – я знаю, что имею дело не с теми детьми, чей интерес к сексу подавлялся и, следовательно, приобрел неестественный характер.

Несколько лет назад к нам почти одновременно поступили два ученика: юноша 17 лет из частной мужской школы и девушка 16 лет из частной женской школы. Они влюбились друг в

друга и всегда были вместе. Однажды, встретив их поздно ночью, я остановил их. «Я не знаю, чем вы занимаетесь вдвоем, – сказал я, – и в плане морали меня это нисколько не волнует, поскольку это вообще не имеет отношения к морали. Но экономически меня это беспокоит. Если у тебя, Кейт, появится ребенок, моя школа будет разорена. Видите ли, вы оба только что прибыли в Саммерхилл. Для вас это означает свободу делать что хочешь. И естественно, у вас нет никаких особых чувств по отношению к школе. Если бы вы жили здесь лет с 7, мне бы не пришло в голову обсуждать этот вопрос. Вы были бы тогда так сильно привязаны к школе, что обязательно подумали бы сами о последствиях своих действий для Саммерхилла». Это был единственно возможный способ попробовать решить проблему. И к счастью, нам с ними никогда больше не пришлось возвращаться к этой теме.

Труд

Раньше в Саммерхилле действовало правило, в соответствии с которым каждый ученик старше 12 лет и каждый сотрудник должны были еженедельно отрабатывать по 2 часа на огороде. За это полагалась символическая плата – 6 пенсов в час. Если ты не работал, тебя штрафовали на 1 шиллинг. Некоторые, включая и нескольких учителей, с радостью отделялись штрафами. Из тех, кто работал, большинство поминутно смотрели на часы. В работе не было даже тени игры, а следовательно, она у всех вызывала скуку. Закон снова поставили на обсуждение, и дети отменили его почти единогласно.

Несколько лет назад Саммерхиллу понадобился изолятор для больных. Мы решили построить его сами – простое здание из кирпича и цемента. Никто из нас в жизни не положил ни одного кирпича, тем не менее мы взялись за это дело. Несколько учеников помогали вырыть яму под фундамент и разобрали на кирпичи кое-какие старые постройки. Но дети требовали платы. Мы отказались платить. В конце концов изолятор был построен силами сотрудников и посетителей. Работа оказалась слишком скучной для детей, а перспектива попасть на больничную койку была, на их юный взгляд, слишком сомнительной. У них не возникло никакого личного интереса. Но некоторое время спустя, когда им захотелось иметь навес для велосипеда, они построили его совершенно самостоятельно, без помощи взрослых.

Я пишу о детях – не о том, какими они, на наш взрослый взгляд, должны быть, а о том, каковы они в действительности. Их чувство общности – чувство социальной ответственности – не разовьется еще лет до 18 или даже позже. Их интересы сиюминутны, и будущее для них не существует.

Мне никогда еще не приходилось видеть ленивого ребенка. То, что называют ленью, обычно отсутствие либо интереса, либо здоровья. Здоровый ребенок не может пребывать в праздности, ему постоянно нужно чем-нибудь заниматься. Я знал когда-то одного очень здорового парня, которого считали ленивым. Математика его не интересовала, но школьная программа требовала, чтобы он учил математику. Конечно, он не хотел ею заниматься, учитель математики считал его лентяем.

Недавно я где-то прочел, что если бы парочка, решившая провести вечер вне дома, не пропустила ни одного танца, это было бы все равно что прошагать по двадцать пять миль. Тем не менее парочка не особенно устала бы – ведь они получали удовольствие на протяжении всего вечера, при условии, конечно, что не наступали друг другу на ноги. То же и с ребенком. Мальчик, который в классе кажется ленивым, может часами играть в футбол.

У меня ушло немало времени, прежде чем я сумел принять как данность то, что семнадцатилетние совершенно не стремятся мне помогать, когда я сажаю картошку или пропалываю лук, они предпочитают часами возиться с двигателями, мыть машины или собирать радиоприемники.

Правда начала проясняться для меня в тот день, когда я вскапывал огород у моего брата в Шотландии. Я не получал удовольствия от работы, и вдруг до меня дошло, в чем тут дело, – я вскапывал огород, который для меня ничего не значил. Так же и мой огород ничего не значит для этих мальчишек, в то время как велосипеды или мотоциклы значат для них очень много. Подлинный альтруизм приходит много позже, но определенная доля эгоизма сохраняется и в нем.

У малышей отношение к труду совершенно иное, чем у подростков. В Саммерхилле младшие – от 3 до 8 лет – могут работать, как негры, размешивая цемент, подвозя на тележках песок или очищая старые кирпичи и вовсе не помышляя о вознаграждении. Они идентифицируют себя со взрослыми, и такая работа для них как воплощение мечты.

Однако лет с 8 или 9 и вплоть до 19–20 желание заниматься скучным физическим трудом отсутствует начисто. Это справедливо для большинства детей, хотя бывают, конечно, и такие, которые проявляют трудолюбие в самом раннем детстве и сохраняют его на протяжении всей жизни.

В действительности мы, взрослые, слишком часто эксплуатируем детей. «Мэрион, сбегай к почтовому ящику, опусти это письмо!» Дети ненавидят, когда их так используют. Всякому нормальному ребенку кажется, что забота родителей не требует какого-либо усилия с его стороны. Он чувствует, что такая забота – его естественное право, но одновременно понимает: от него ожидают и даже считают, что он обязан выполнять десятки лакейских заданий и множество рутинных действий, от которых сами родители рады уклониться.

Как-то я прочел об одной школе в Америке, которая была построена самими учениками. Мне тогда показалось, что это идеальная ситуация. Теперь я думаю иначе. Если дети построили свою школу, то можете быть уверены, что рядом находился какой-нибудь веселый и доброжелательный, но облеченный властью джентльмен, постоянно и с энтузиазмом их подгонявший. Когда такой власти нет, дети сами не строят школ.

Здоровая цивилизация, на мой взгляд, не должна привлекать детей к работе по крайней мере до 18 лет. Многие мальчики и девочки переделают немало всякой работы и до того времени, когда им исполнится 18, но эта работа будет для них игрой, с родительской точки зрения, вероятнее всего, экономически совершенно невыгодной. Я с тоской думаю о гигантском количестве работы, которую приходится выполнять студентам при подготовке к экзаменам. И понимаю, почему в довоенном Будапеште почти у 50 % учащихся после сдачи вступительных экзаменов в университеты наблюдались тяжелые физические или психические нарушения.

Причина, по которой мы здесь, в Саммерхилле, постоянно получаем такие прекрасные отзывы о наших бывших учениках, занявших ответственные посты, состоит в том, что эти мальчики и девочки прожили стадию эгоцентрических фантазий в Саммерхилле. Став молодыми взрослыми, они способны встретиться с реалиями жизни безо всякой неосознанной тяги к детским играм.

Игра

Саммерхилл можно определить как школу, в которой игра имеет первостепенное значение. Я не знаю, почему дети и котята играют. Полагаю, дело в энергии.

Когда я думаю об игре, то имею в виду не спортивные площадки и организованные игры, а проявления фантазии. **Организованные игры предполагают мастерство, состязание, взаимодействие; детская игра не требует никакого мастерства, редко включает состязание и еще реже – командное взаимодействие.** Малыши обожают играть в разбойников – со стрельбой и сражениями на мечах. Дети играли в них задолго до наступления эры кино. Книги и фильмы иногда привносят какие-то оттенки в некоторые игры, но суть этих игр одна и та же, она живет в душах детей всего мира.

Шестилетки в Саммерхилле играют весь день напролет – играют со своими фантазиями. Для маленького ребенка фантазия и реальность очень близки друг к другу. Когда десятилетний мальчишка вырядился призраком, малыши сначала визжали от восторга: они знали, что это всего лишь Томми, и видели, как он заматывался в простыню. Но когда он напал на них, они все завопили от ужаса.

Маленькие дети живут своими фантазиями и воплощают их в действие. Мальчишки от 8 до 14 лет играют в разбойников и постоянно кого-нибудь «убивают» или «улетают» в небеса на своих деревянных самолетах. Маленькие девочки тоже проходят через эту разбойничью, гангстерскую стадию, только у них она не принимает форму вооруженных столкновений, а разворачивается в сфере личных отношений. Шайка Мэри противостоит шайке Нелли, и между ними происходят постоянные ссоры и обмены грубостями.

Противостоящие шайки мальчишек враждуют только в игре. Поэтому с маленькими мальчиками ладить легче, чем с девочками.

Мне так и не удалось установить, где у них пролегает граница между фантазиями и действительностью. Когда девочка приносит кукле еду на маленькой игрушечной тарелочке, верит ли она, что кукла живая? Игрушечный конь-качалка – это настоящий конь? Когда мальчик кричит: «Огонь!» – и потом стреляет, верит ли он, что ружье у него в руках – настоящее? Я склонен думать, что, когда игра в разгаре, дети и в самом деле воображают, что их игрушки – настоящие вещи, и, только когда вмешивается какой-нибудь бестактный взрослый и тем самым напоминает, что все происходящее плод их воображения, они с размаху шлепаются обратно на землю. Ни один чуткий родитель никогда не станет разрушать мир детской фантазии.

Мальчики, как правило, не играют с девочками. Они играют в разбойников и в «пятнашки», устраивают себе тайные убежища на деревьях, роют землянки и окопы.

Девочки редко организуют какие-нибудь игры. Освященные веками игры в учительниц и врачей неизвестны свободным детям, потому что они не ощущают необходимости имитировать власть. Младшие девочки играют в куклы, а те, что постарше, похоже, получают большее удовольствие от общения с людьми, нежели с предметами.

У нас часто выходили на поле смешанные хоккейные команды. В карты и другие настольные игры дети обычно тоже играют смешанными группами.

Дети обожают шум и грязь, они топают по лестнице, орут как сумасшедшие, не берегут мебель. Если они играют в салки, то снесут попавшуюся им на пути фарфоровую вазу, даже не заметив этого.

Матери, как правило, недостаточно играют со своими детьми. Они, видимо, полагают, что довольно сунуть в коляску мягкого плюшевого мишку, чтобы как-то занять малыша на час-другой, забывая о главном – детям надо, чтобы их обнимали и тискали.

Если принять, что детство – это жизнь в игре, то хочется спросить: как мы, взрослые, обычно учитываем этот факт? Мы его игнорируем. Мы забываем о нем вовсе, потому что игра кажется нам потерей времени. И поэтому мы возводим громадную городскую школу с множеством комнат и дорогостоящего оборудования для преподавания, в которой чаще всего отводим для игр лишь очень небольшое и строго определенное место.

Можно утверждать – и не без основания, – что пороки цивилизации обязаны своим существованием тому факту, что ни одному ребенку никогда еще не удалось вдоволь наиграться. Или, иначе говоря, каждого ребенка специальными усилиями превращают во взрослого задолго до того, как он достигнет взрослости (подобно тому как растения в теплицах выгоняют в рост до срока).

Отношение взрослых к игре совершенно деспотично. Мы, старшие, составляем для ребенка расписание: учеба с девяти до двенадцати, потом час на ленч, а потом снова уроки до трех. Если бы свободного ребенка попросили сделать для себя расписание, он почти наверняка отдал бы игре много времени, а урокам – мало.

Враждебность взрослых по отношению к детской игре коренится в страхе. Не одну сотню раз приходилось мне отвечать на беспокойный вопрос: «Но если мой сын будет играть целыми днями, как он научится хоть чему-нибудь, как он будет сдавать экзамены?» И очень редко спрашивающий был готов принять мой ответ: «Если ваш ребенок наиграется досыта, он сможет сдать вступительные экзамены после пары лет интенсивной учебы вместо обычных пяти, шести или семи лет занятий в школе, которая не признает игру важным фактором развития». Но всегда необходимо добавить: «Это в том случае, если он вообще захочет сдавать эти экзамены!» Потому что он может захотеть стать балетным танцовщиком или радиомонтером, а она – портнихой или детской няней.

Да, конечно, именно страх за будущее детей приводит родителей к тому, что они лишают своих чад законного права на игру. Но не только страх. За неодобрительным отношением к игре скрывается еще и некое смутное представление из области морали – представление о том, что быть ребенком, в общем-то, не особенно хорошо, явно звучащее в расхожем увещевании, обращенном к молодым: «Не будь ребенком!»

Родители, которые забыли чаяния собственного детства, т. е. разучились играть и фантазировать, – плохие родители. Когда ребенок утрачивает способность играть, его душа умирает и он становится опасным для всех детей, которые с ним сталкиваются.

Учителя из Израиля рассказали мне о поразительных общинах, существующих там. Школы, говорили они, – часть общины, а ее основной задачей является тяжелый труд. Как рассказывал один из учителей, десятилетние дети рыдают, если им – в качестве наказания – запрещают копать огород. Если бы мне встретился десятилетний ребенок, который рыдал из-за того, что ему запретили копать картошку, я бы подумал, что он умственно отсталый. Мир детства – это мир игры; и всякая общественная система, игнорирующая данную истину, воспитывает детей неправильно. Израильский метод, о котором шла речь, на мой взгляд, – это принесение молодой жизни в жертву экономическим нуждам, и я бы ни за что не назвал подобную систему идеалом общинной жизни¹⁰.

Было бы очень интересно, хотя, вероятно, и довольно сложно, оценить вред, нанесенный детям, которым не позволили играть столько, сколько им бы хотелось. Мне часто кажется, что огромные толпы, приходящие посмотреть футбольные матчи между профессионалами, состоят из людей, пытающихся изжить свои подавленные игровые потребности, идентифицируясь с игроками и как бы доверяя им играть вместо себя. Большинство

¹⁰ Речь, по-видимому, идет о киббуцах – израильских коллективных хозяйствах, созданных еще в начале XX в. евреями-первопереселенцами в Палестине и бывших тогда для них единственным способом выживания в тамошних суровых условиях.

выпускников Саммерхилла никогда не ходят на футбольные матчи, равно как и не интересуются разными другими пышными зрелищами. Полагаю, что мало кто из них отправился бы в дальний путь, чтобы только взглянуть на королевский выезд. Пышность, свойственная такого рода событиям, имеет в себе нечто детское – их яркость, строгий порядок, замедленность движений чем-то напоминают мир игрушек и разряженных кукол.

Именно поэтому, наверное, женщинам такие вещи нравятся больше, чем мужчинам. По мере того как люди становятся старше и мудрее, их, похоже, все меньше и меньше привлекает подобная мишура. Я сильно сомневаюсь, что военные и политики извлекают из разных государственных церемониалов что-нибудь, кроме скуки.

Есть некоторые данные, свидетельствующие о том, что дети, выросшие в условиях свободы и много игравшие, не склонны к стадному мышлению. Среди бывших учеников Саммерхилла единственные, кто готов восторженно вопить в толпе, – это выходцы из семей с прокоммунистическими симпатиями.

Театр

Зимой воскресные вечера в Саммерхилле отданы лицедейству. Спектакли всегда собирают много зрителей. Мне приходилось видеть и по шесть полноценных воскресных представлений подряд, но иногда после волны спектаклей на несколько недель наступает затишье.

Наша аудитория не слишком придирчива. И ведет она себя хорошо – гораздо лучше, чем посетители многих лондонских театров. У нас редко освистывают или затопывают актеров.

Саммерхиллский театр – это переделанный корт для игры в сквош, вмещающий около сотни человек. Там есть передвижная сцена, состоящая из ящиков, при помощи которых можно городить лестницы или помосты. Есть и необходимые осветительные средства, включая устройства для регулировки яркости и софиты. Декораций нет – один серый занавес. Когда ремарка гласит: «Входят деревенские жители в проем в заборе», – актеры разводят занавес в стороны.

По традиции в театре играют только пьесы, сочиненные в Саммерхилле. Существует и неписаное правило: пьеса, сочиненная учителем, исполняется только в том случае, если дети не написали совсем ничего. Костюмы актеры делают себе сами, и, как правило, они очень хороши. Наши школьные спектакли – это чаще всего комедии и фарсы, но если уж играют трагедии, то делается это по-настоящему хорошо, иногда просто прекрасно.

Девочки пишут пьесы чаще, чем мальчики. Маленькие мальчики иногда сочиняют, но, как правило, в их опусах недостаточно прописаны роли. Впрочем, в этом и нет нужды, потому что лейтмотив каждой роли – это «Руки вверх! Это ограбление». В таких спектаклях занавес всегда опускается над кучей бездыханных тел, потому что маленькие мальчишки по натуре очень основательны и бескомпромиссны.

Тринадцатилетняя Дафна обычно сочиняла для нас пьесы о Шерлоке Холмсе. Одна мне особенно запомнилась, там речь шла о констебле, убежавшем с женой сержанта. С помощью сыщика и, конечно, «моего дорогого Ватсона» сержант выследил жену и обнаружил ее в доме констебля. Там их глазам предстала поразительная картина. Констебль возлежал на софе, обняв неверную жену за талию, а в середине комнаты стайка дам полусвета извивалась в танце. Констебль был во фраке.

Дафна всегда вносила в свои пьесы элементы светской эlegантности.

Лет с 14 девочки пишут свои пьесы в стихах, и часто совсем неплохо. Конечно, далеко не все сотрудники и не все ученики сочиняют пьесы.

Плагиат всегда вызывает сильное отвращение. Однажды, когда какую-то пьесу пришлось снять с постановки в последний момент, я был вынужден срочно написать другую, чтобы заполнить брешь в репертуаре. Ну я написал нечто на сюжет одного из рассказов У.У. Джейкобса. Так народ кричал: «Жулик! Сдувала!»

Саммерхиллские дети не любят инсценировок. Не терпят они и высокоинтеллектуальных постановок, столь обычных в других школах. Наши никогда не играют Шекспира, но иногда я сочиняю на него пародии, например о Юлии Цезаре среди американских гангстеров, где герои говорят на смеси шекспировского языка и языка журнальных детективов.

Мэри вызвала как-то гром аплодисментов, когда – в роли Клеопатры – она, заколов всех, кто был на сцене, посмотрела на лезвие своего ножа и, громко прочтя надпись на нем «Нержавеющая сталь!», вонзила его себе в грудь.

Актерские способности детей очень велики. У саммерхиллских актеров нет никакой боязни сцены. Смотреть на малышей – сплошной восторг, они проживают свои роли с полной искренностью. Девочки лицедействуют с большей готовностью, чем мальчики. Мальчики до 10 лет вообще очень редко играют на сцене, и если делают это, то лишь в гангстерских пье-

сах собственного сочинения, а некоторые дети так никогда и не поднимаются на подмости – просто не желают.

За долгие годы работы мы обнаружили, что худшие актеры – это те, кто лицедействует в жизни. Такому ребенку никуда от себя не деться, и на сцене он занят только собой. Впрочем, «занят собой» не слишком точное выражение, на самом деле я имел в виду, что он полагает, будто все остальные должны быть заняты только им.

Участие в театральных постановках – важная часть образования. Обычно это в большой степени самопоказ, но не в Саммерхилле. Если случается, что все дело сводится к само-показу, такой актер не вызывает восторгов.

Чтобы быть актером, надо иметь ярко выраженную способность идентифицировать себя с другими людьми. У взрослых идентификация всегда осознанна, они понимают, что играют. Я не думаю, что маленькие дети тоже понимают это. Довольно часто ребенок выходит на сцену и в ответ на реплику: «Кто ты?» – говорит: «Я Питер», – вместо того чтобы сказать: «Я призрак аббатства».

В одной из пьес, написанных для самых маленьких, была сцена обеда и на столе стояла настоящая еда. Суфлеру потребовалось немало времени и усилий, чтобы подвинуть актеров перейти к следующей сцене. Дети продолжали есть с полным равнодушием к аудитории.

Актерство – один из способов обретения уверенности в себе. Есть, однако, дети, которые никогда не играют в спектаклях и говорят, что ненавидят эти представления, потому что чувствуют свою неполноценность. Я так и не разобрался, в чем тут дело. Такой ребенок обычно находит другие занятия, в которых он может проявить свое превосходство. Особенно трудный случай представляют девочки, обожающие театр, но не умеющие играть. В Саммерхилле такие девочки очень редко остаются без ролей, что само по себе говорит об атмосфере в школе.

Тринадцати-четырнадцатилетние дети, и мальчики и девочки, как правило, отказываются выступать в ролях, предполагающих любовные отношения, но малыши легко и с радостью соглашаются на любую роль. Старшие, те, кому больше 15, берутся за любовные роли в том случае, когда они комедийные. Лишь один-другой из старших возьмется за серьезную роль любовника. Такую роль нельзя сыграть, пока не переживешь любовь, с горем же дела обстоят иначе: дети, никогда не видевшие горя в реальной жизни, могут прекрасно исполнять трагические роли. Я помню, как Вирджиния теряла самообладание на репетициях и рыдала во время исполнения трагической роли. Это можно объяснить тем, что всякий ребенок испытывал горе в воображении. Смерть, например, очень рано входит в фантазии каждого ребенка.

Пьесы должны соответствовать уровню детей. Неправильно заставлять детей играть классические пьесы, которые чрезвычайно далеки от подлинных детских фантазий. Детские пьесы, как и детское чтение, должны соответствовать их возрасту. Саммерхиллские ученики редко читают Скотта, Диккенса или Теккерея, потому что нынешние дети принадлежат веку кинематографа. Когда ребенок идет в кино, он узнает такую длинную историю, как Вествард Хо¹¹, за час с четвертью, а чтение этой книги со всеми ее скучными описаниями людей и природы заняло бы у него несколько дней. Поэтому в своих сочинениях дети не хотят ничего похожего на трагедию в замке Эльсинор; они предпочитают привычное им окружение.

Хотя в Саммерхилле и исполняются, как правило, пьесы собственного сочинения, все же по-настоящему прекрасные драматические произведения вызывают у детей самый живой отклик. В одну из зим я еженедельно читал старшим пьесы. Я прочел им всего Бэрри¹², Ибсена,

¹¹ Выражение «Вествард Хо» (Westward Ho), буквально означающее «Вперед, на запад!», служит прозвищем главного героя в нескольких крупных произведениях английской литературы. По ряду из них поставлены фильмы.

¹² Дж. М. Бэрри (1860–1937) – английский драматург.

Стриндберга, Чехова, кое-что из Шоу и Голсуорси и несколько современных пьес вроде «Серебряной нити» и «Водоворота»¹³. Наши лучшие актеры и актрисы предпочли Ибсена.

Старшие проявляют интерес в отношении техники постановки и придерживаются по этому поводу довольно оригинальных взглядов. Например, в драматургии есть освященное веками правило: ни один персонаж никогда не должен покидать сцену без объяснения, почему он это делает. Если драматургу вдруг надо было отделаться от отца, чтобы дать матери и дочери возможность поговорить друг с другом о том, какой же он все-таки осел, старик отец обязательно вставал и, сказав что-нибудь вроде «Ну что ж, я лучше пойду и посмотрю, посадил ли садовник капусту», убирался прочь. Наши молодые саммерхиллские драматурги пользуются более прямыми предложениями. Как сказала мне одна девочка, в реальной жизни вы выходите из комнаты, ничего не говоря о том, почему вы это делаете. Вы просто выходите – и всё, вот и на сцене Саммерхилла поступают так же.

Саммерхилл специализируется в особой области театрального искусства, которую мы называем спонтанным лицедейством. Я ставлю сценические задачи таким, например, образом: «Надень воображаемое пальто, потом сними его и повесь на крючок. Нарви букет цветов и найди среди них чертополох. Открой телеграмму, в которой говорится, что твой отец (или мать) умер(ла). Перекуси наспех в привокзальном ресторане и сиди там как на иголках, боясь, как бы не пропустить поезд».

Иногда представление носит характер ток-шоу. Например, я сажусь за стол и объявляю, что я чиновник иммиграционной службы в Гарвиче¹⁴. Каждый ребенок должен обзавестись воображаемым паспортом и подготовиться отвечать на мои вопросы. Это проходит очень весело.

Или, например, я становлюсь кинопродюсером, набирающим исполнителей для будущего фильма. Или бизнесменом, подбирающим себе секретаря. Однажды я представлял человека, поместившего в газету объявление, что ему нужен амануэзис¹⁵. Никто из детей не знал, что означает это слово. Одна из девочек решила, будто это слово значило «маникюрша»¹⁶, получилась неплохая комедия.

Спонтанное исполнение – творческая, жизненно важная сторона школьного театра. Наш театр сделал больше для развития творческих способностей детей, чем что-нибудь другое в Саммерхилле. Любой может сыграть в пьесе, но не каждый ее напишет. И дети, вероятно, понимают, пусть и не до конца, что наша традиция исполнять только оригинальные, так сказать, доморощенные пьесы поощряет и поддерживает именно творчество, а не воспроизведение или имитацию.

¹³ «Серебряная нить» и «Водоворот» («Silver Cord» and «Vortex») – пьесы Сиднея Ховарда и Ноэля Кауарда.

¹⁴ Гарвич – портовый город на юго-восточном побережье Британии.

¹⁵ Amanuesis (лат.) – личный секретарь, пишущий под диктовку.

¹⁶ «Маникюрша» по-английски – «manicurist». Слова «manicurist» и «amanuesis» действительно однокоренные.

Танцы и музыка

Когда люди танцуют, они обычно придерживаются определенных правил. Удивительно, что в танцах, как и вообще в жизни, толпа в целом принимает установленные правила, а отдельные люди, ее составляющие, могут поголовно ненавидеть эти правила.

Для меня лондонский танцевальный зал символизирует Англию. Танцы, которые должны быть личным и творческим удовольствием, сводятся к прогулке арестантов. Все пары танцуют одинаково. Консерватизм толпы удерживает большинство танцоров от оригинальности. **А главное удовольствие от танца – это выдумка, изобретение. Когда изгоняется выдумка, танцы становятся механическими и унылыми.** Английские танцы вполне выражают страх англичан перед любыми проявлениями эмоциональности и самобытности.

Если в таком развлечении, как танцы, нет места свободе, откуда взяться надежде отыскать ее в более серьезных аспектах жизни? Ведь если кто-то не осмеливается изобрести свой собственный танцевальный шаг, как можно рассчитывать, что он осмелится осуществить свой собственный религиозный, образовательный или политический выбор!

В Саммерхилле любое представление включает танцевальные номера. Их всегда и ставят, и исполняют девочки, и, надо признать, делают они это хорошо. Они никогда не танцуют под классическую музыку, только под джаз. У нас даже есть балет на музыку Гершвина «Американец в Париже». Сценарий написал я, а девочки поставили танцы. На лондонских подмостках танцуют хуже.

Танцы служат отличной отдушиной для подсознательного сексуального интереса. Я говорю «подсознательного», потому что девочка может быть хороша собой, но, если она плохо танцует, партнеров по танцам у нее найдется немного.

У нас в гостиной почти каждый вечер полно детей. Мы ставим пластинки, и тут нередко возникают разногласия. Дети хотят слушать Дюка Эллингтона или Элвиса Пресли, а я это ненавижу. Я люблю Равеля, Стравинского и Гершвина. Иногда я чувствую, что сыт по горло джазом, и ввожу правило, гласящее, что, пока это моя гостиная, я буду ставить здесь то, что я хочу.

Но я понимаю, что трио из «Кавалера роз» или квинтет из «Мейстерзингера» опустошит комнату. Оно и понятно: мало кто из детей любит классическую музыку или классическую живопись. Мы не делаем попыток поднять их вкусы на более высокий уровень – что бы это ни значило.

Человек бывает счастлив или несчастлив в жизни независимо от того, любит он Бетховена или горячий джаз. Школы добивались бы гораздо больших успехов, если бы включали в программы джаз, а не Бетховена. В Саммерхилле трое парней впервые взяли в руки музыкальные инструменты, вдохновленные джазовыми оркестрами. Двое из них купили кларнеты, а третий выбрал трубу. После школы они пошли учиться в Королевскую музыкальную академию. Сейчас они играют в оркестрах, которые исполняют исключительно классическую музыку. Мне нравится думать, что такое развитие их музыкальных вкусов корнями уходит в Саммерхилл, где каждый имел возможность слушать то, что хотел: Дюка Эллингтона, Баха или любого другого композитора.

Спорт и игры

В большинстве школ спорт принудителен. Даже присутствовать на соревнованиях обязательно. В Саммерхилле спортивные игры, как и уроки, необязательны.

Один мальчик, пробывший в нашей школе десять лет, ни разу не участвовал ни в одной спортивной игре, и ему никогда не предлагали играть. Но большинство детей любят спортивные игры.

Мальши не участвуют в сложных играх, требующих специальной организации. Они играют в гангстеров или индейцев, строят шалаши и убежища на деревьях, словом, делают все то, что обычно свойственно маленьким детям. Поскольку они еще не достигли той стадии, на которой становится возможным сотрудничество, у них нет сложных игр, и не нужно стараться вовлекать их в такие игры. Организованные и спортивные игры приходят естественным образом в свое время.

В Саммерхилле наши главные игры – хоккей зимой и теннис летом. Интересно, что, когда имеешь дело с детьми, трудно составить хорошую команду для игры в парный теннис. В хоккее они считают командную деятельность само собой разумеющейся, но в теннисе, как правило, в паре игроков каждый действует сам по себе, вместо того чтобы составлять единое целое. Лет с 17 командное взаимодействие получается лучше.

Плавание очень популярно во всех возрастах. Берег у Сайзвелла не очень подходит для детей, там как будто бы всегда прилив. На нашем побережье не найдешь длинных песчаных кос с утесами и заводями, которые так любят дети.

У нас в школе нет специальных занятий гимнастикой, и я не считаю это необходимым. Дети получают все упражнения, которые им нужны, в играх, плавании, танцах и езде на велосипеде. Я сомневаюсь, что свободные дети станут ходить на уроки гимнастики. Обычные игры в помещении – настольный теннис, шахматы, карты.

Для младших детей есть «лягушатник», песочница, качели и карусели. Песочница в теплый день всегда полна чумазыми детьми, и младшие постоянно жалуются, что большие ребята приходят играть в их песочнице. В результате нам пришлось построить отдельную песочницу для старших. Эпоха песка и пирожков из грязи в жизни ребенка длится гораздо дольше, чем мы думаем.

У нас были разногласия и споры по поводу нашей непоследовательности в вопросе о присуждении призов за успехи в спорте. Непоследовательность состояла в том, что мы решительно отказывались вводить призы или награды за успехи в школьной программе. Аргумент против наград был такой: все, что человек делает, он делает для себя, а вовсе не ради наград, – и это, конечно, чистая правда. Но тогда спрашивается: почему правильно давать призы за теннис и неправильно – за географию? Ответ, я полагаю, состоит в том, что теннис по своей природе соревнователен, он как игра в том и заключается, что ты должен взять верх над другим.

А изучение географии – нет. Если я знаю географию, меня ни в какой мере не заботит, что кто-то другой знает ее лучше или хуже, чем я. Я знаю, что дети хотят получать призы за игры и не хотят получать их за школьные предметы, по крайней мере в Саммерхилле. В Саммерхилле мы ни в малейшей степени не превращаем победителей в спорте в героев. То, что Фред – капитан хоккейной команды, не прибавляет веса его голосу на общем собрании школы.

Спорт в Саммерхилле занимает подобающее ему место. Мальчик, который всегда отказывается участвовать в спортивных играх, отнюдь не выглядит униженным и никогда не считается каким-то неполноценным. **«Живи и давай жить другим» – девиз, который находит свое идеальное выражение, когда дети вольны быть самими собой.** Я не слишком люблю спорт, но меня живо интересует честная спортивная борьба. Если бы учителя Саммерхилла приставали к детям: «Давайте, ребята, выходите на поле!» – спорт в Саммерхилле стал

бы чем-то уродливым. Только при условии свободы выбора играть или не играть у человека может сформироваться способность к подлинно честному спортивному соперничеству.

Доклад инспекторов британского правительства

Министерство образования.

Доклад инспекторов Ее Величества о школе Саммерхилл, Лейстон, Восточный Саффолк.

Инспекция проводилась 20 и 21 июня 1949 года.

Примечания.

Этот доклад конфиденциален и не может быть опубликован без прямого разрешения школы. При публикации он должен быть воспроизведен полностью.

Все права на публикацию доклада принадлежат руководителю местной Канцелярии Ее Величества. Руководитель не будет возражать против публикации доклада, если все, кого это касается, ясно понимают, что права на этот доклад принадлежат ему.

Следует иметь в виду, что публикация этого доклада ни в коей мере не означает одобрения со стороны министра.

Министерство образования, Керзон-стрит, Лондон

Данная школа широко известна в мире как учреждение, в котором проводится весьма революционный образовательный эксперимент. Широко известны и горячо обсуждаются опубликованные и внедренные в практику теории ее директора. Инспектирование этой школы оказалось делом весьма нелегким в силу больших различий между данной школой и всеми другими, с которыми инспекторы знакомились прежде, но и очень интересным – благодаря предоставившейся возможности оценить, а не просто понаблюдать, какое образование дает эта школа. Все дети живут в школе и платят за содержание 120 фунтов в год. Несмотря на низкую зарплату персонала (о чем будет сказано ниже), директору нелегко содержать школу на этих условиях, но менять их он не хочет, зная финансовые обстоятельства родителей. Хотя указанная плата довольно низка в сравнении с тем, что берут многие другие независимые школы-пансионы, а число сотрудников в расчете на одного ребенка следует признать довольно высоким, инспекторов все же несколько удивили финансовые трудности, на которые жаловался директор. Только тщательное изучение фактических доходов и расходов школы позволит выяснить, можно ли уменьшить затраты на ее содержание без потерь в том или ином отношении, и для осуществления такой работы было бы хорошо пригласить специалистов из какой-либо независимой и имеющей соответствующий опыт организации. Пока можно сказать, что, какие бы трудности ни испытывала школа, дети в ней чувствуют себя хорошо и питаются обильно.

Принципы, согласно которым живет школа, хорошо известны тем, кто читал книги ее директора. За время, прошедшее с тех пор, когда эти принципы были впервые высказаны, некоторые из них завоевали широкое признание и приобретают все большее влияние в мире, другие вызывают настороженность у большинства учителей и родителей и решительно отвергаются ими. Хотя инспекторы и пытались следовать своему обычному способу инспектирования, т. е. старались быть объективными, все же оказалось совершенно невозможным докладывать об этой школе беспристрастно, не обращаясь к основным принципам и целям, в соответствии с которыми живет школа, независимо от того, принимают сами инспекторы данные принципы или нет.

Главный принцип, которого придерживается школа, – свобода. Свобода эта не вполне безоговорочна, существует ряд законов, связанных с безопасностью жизни и предотвращением тяжелых травм, составленных и принятых самими детьми, но утверждаемых директором только в том случае, если они сформулированы достаточно ясно и строго. Например, дети не могут купаться иначе, как в присутствии двух членов персонала, выполняющих роль спасате-

лей. Младшие дети не могут выходить с территории школы без сопровождения старших. Эти и подобные правила соблюдаются неукоснительно, для нарушителей существует система штрафов. И все же детям в этой школе предоставлено гораздо больше свободы, чем инспекторам довелось видеть в какой-либо другой школе, и их свобода вполне реальна. Дети, например, не обязаны посещать какие бы то ни было уроки. Как будет показано ниже, большая часть детей тем не менее посещают большинство уроков довольно-таки регулярно, но, действительно, в школе однажды был ученик, который за 13 лет не побывал ни на одном уроке, и теперь он специалист по изготовлению точных инструментов. Этот крайний случай приводится здесь, чтобы показать, что свобода, которая предоставляется детям в этой школе, подлинная, ее не отбирают даже тогда, когда она приводит к столь странным результатам. Школа, однако, живет вовсе не по анархистским принципам. Здесь существуют законы, разрабатываемые школьным парламентом, который собирается регулярно под председательством одного из детей. На его заседаниях могут присутствовать все желающие из числа детей и персонала. Собрание имеет неограниченные права в отношении обсуждения законов и довольно широкие – в их принятии. В частности, однажды на таком собрании обсуждалось увольнение учителя, и дети продемонстрировали великолепную обоснованность суждений. Но подобные события редки, обычно парламент рассматривает повседневные проблемы жизни школьного сообщества.

Инспекторы имели возможность посетить одно заседание в первый же день инспекции. Главными предметами обсуждения были соблюдение времени отбоя, установленного парламентом, и контроль за хождением на кухню в неположенное время. Эти проблемы обсуждались очень живо и свободно, разумно и нелицеприятно. Хотя нам и показалось, что немало времени было потрачено на совершенно бесплодные рассуждения, инспекторы все же склонны согласиться с директором, что приобретаемый детьми опыт организации собственной жизни гораздо ценнее, чем подобные потери времени. Очевидно, что большинство родителей и учителей едва ли решились бы предоставить детям полную свободу в вопросах секса. Многие из тех, кто во всем остальном согласен с директором, разошлись бы с ним в этом отношении. Возможно, они легко согласились бы с ним в следующем: дети должны иметь свободный доступ к знаниям о сексе, им надо понимать, что секс и грех – разные вещи, извечные запреты приносят огромный вред, однако родители и учителя все же сочли бы необходимым принять гораздо больше мер предосторожности, особенно когда речь идет о школе с совместным обучением. Понятно, что беспристрастно комментировать результаты отсутствия таких мер чрезвычайно трудно, если сам ты не решился на подобную свободу. Сексуальные чувства неизбежно возникают в любом сообществе молодых людей, и их, конечно, невозможно устранить с помощью разных запретов. Фактически подобные запреты только разжигают интерес к этой сфере. Но все же, как соглашается сам директор, полная свобода выражения сексуальных чувств невозможна, даже если она желательна. Единственное, что можно со всей определенностью сказать по данному поводу: трудно найти более естественное, открытое, без всяких задних мыслей собрание девочек и мальчиков, а крупные неприятности, которых можно было бы ожидать в подобной ситуации, ни разу не случались за все 28 лет существования школы.

Еще одно крайне щекотливое обстоятельство, которого здесь придется коснуться, – это отсутствие в школе какой бы то ни было религиозной жизни или религиозного обучения. Запрета на религию не существует, и, если бы школьный парламент решил ввести ее, она, скорее всего, была бы введена. Аналогичным образом, если бы кто-то хотел этого, никто ему не препятствовал бы. Все ученики происходят из семей, не признающих ортодоксальных христианских догм, и фактически никто из них никогда не проявлял никакого интереса к религии. Без всякой натяжки можно сказать: многие христианские принципы воплощены в практике этой школы, и там есть немало такого, что одобрил бы всякий христианин. Естественно, за два дня инспекции невозможно оценить последствия полного отсутствия религиозного обучения.

Мы считали необходимым предварить обычное изложение результатов инспекции этим введением о принципах и целях данной школы, потому что именно на фоне свободы как основного принципа и следует рассматривать организацию ее деятельности.

Организация

В школе учатся 70 детей в возрасте от 4 до 16 лет. Они живут в четырех отдельных домиках, которые будут описаны в разделе «Условия проживания». Здесь же будет представлена организация образования детей в конкретном, узком смысле слова.

В школе 6 классов, которые организованы не по возрасту учеников, а с учетом их способностей. Занятия проводятся 5 дней в неделю в первой половине дня по вполне обычному, традиционному расписанию, которое предусматривает 5 сорокаминутных уроков ежедневно. Для занятий отведены определенные места, их проводит определенный учитель. Единственное, чем классы отличаются от аналогичных в обычной школе, – нет ни малейшей гарантии, что на занятия придут все ученики или хоть кто-нибудь один. Инспекторам пришлось приложить немало труда, посещая уроки и наводя справки, чтобы выяснить, что же происходит на самом деле. Похоже, что посещаемость занятий растет, по мере того как дети становятся старше, и, если уж ребенок решил посещать какие-то занятия, обычно он делает это регулярно. Гораздо труднее оказалось выяснить, насколько равномерно распределяют дети свои интересы по школьным предметам. Поскольку многие дети принимают решение сдавать выпускные школьные экзамены, по мере их приближения выбор предметов все больше определяется экзаменационными требованиями, но младшие дети совершенно свободны в своих предпочтениях. В целом результаты, которые дает такая система, не представляются особенно впечатляющими. Дети действительно работают с желанием и интересом, и это очень приятно наблюдать, но достижения их незначительны. По мнению инспекторов, это не неизбежный результат системы, а скорее свидетельство того, что последняя реализуется не в полную силу. Причинами этого, в частности, являются:

– Отсутствие хорошего учителя для учеников среднего школьного возраста, который мог бы направлять и интегрировать все их разнообразные занятия.

– Качество преподавания в целом. Обучение самых младших, насколько можно об этом судить, современно и эффективно, есть примеры хорошего преподавания и в старших классах, но бросается в глаза отсутствие хорошего учителя, способного воодушевить и стимулировать 8–10-летних учеников. В работе с ними используются некоторые поразительно старомодные и формальные методы, так что, когда дети достигают возраста серьезной работы, они оказываются очень плохо подготовленными к ней и создают педагогам серьезные проблемы. Обучение более старших учеников поставлено значительно лучше, а в одном или двух случаях просто очень хорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.